

Марина Саввиных

Завещание «Минотавра»

Повесть-сказка

Посвящаю сказку о «Минотавре»

Вареньке Соловей, вдохновительнице и соавтору

Глава первая,

*в которой Вера попадает в Никуда
и знакомится с Гермесом*

Вера сидела на балконе и смотрела то вниз — на песочницу, где под присмотром мам и бабушек копошилась малышня, то по сторонам — на голубей, которые, хлопая крыльями, слетали с крыши и возвращались обратно. Это было гораздо веселее, чем читать книжку, лежавшую у неё на коленях, потому что глазеть по сторонам её никто не заставлял. А книжку читать было *надо*. Хотя бы пару страниц. К завтрашнему утру. Вера терпеть не могла, когда её заставляли. И книжку читать по этой причине была ей ужасно неохота. Хотя книжка была красивая, с цветными картинками «под старину», и на обложке золотом по чёрному загадочно и непонятно сверкало: «Мифы Древней Греции».

Но Вера обещала Марине Олеговне выучить хотя бы про Кроноса и Гею, поэтому всё же открыла новенький нарядный томик и начала читать... С первых страниц ей стало скучно — столько сложных и непонятных слов. Вера зевнула и закрыла книжку. И снова стала смотреть по сторонам. На дереве рядом с балконом сидел воробей и чистил пёрышки. Он был очень смешел. Вера подумала: «Я сейчас быстренько нарисую его, а потом продолжу читать эту скучную книженцию...»

Вера положила книжку на стул и, стараясь не шуметь, побежала в комнату. А вдруг повезёт, и воробышек не улетит, пока она ищет альбом и карандаши? Когда она вернулась... вот это да! Воробей уже не сидел на ветке, а прыгал по обложке «Мифов Древней Греции» и пытался что-то с неё склевать... Тук-тук клювом... прыг-скок... и снова — тук-тук... Вера замерла на месте, чтобы не спугнуть птичку. Больше всего её удивило, что этот самый «тук-тук» звучал так, будто не воробышьяй клюв стучал по книжной обложке, а кто-то невидимый стальной ступкой ударял по пустой кастрюле... Бум-бум... бум-бум... чудеса!

Вера не удержалась и вскрикнула. Воробышек так испугался, что даже не смог улететь сразу. Пару

раз он ударил крыльями по книжке безрезультатно и только потом взлетел. Вера смотрела ему вслед и ещё долго жалела, что спугнула воробышка, ведь ей так хотелось его нарисовать!

Вздохнув, Вера вознамерилась было вернуться в комнату, как вдруг «бум-бум» раздалось снова... Что это? В чём дело? Девочка в недоумении озиралась по сторонам. Бум-бум... всё громче и громче... Откуда? Ах, вот оно что... Книжка на стуле вздрагивала и даже подпрыгивала. Бум! Да что же это такое? Бум!!! Бам-м!!!! Вера тихонечко приблизилась, наклонилась и осторожно приподняла обложку... Горячий вихрь ударил ей в лицо, что-то вспыхнуло, загрохотало... Вера от страха закрыла глаза, а когда открыла — не было ни ветра, ни молний, ни грома. Да и балкона тоже не было. Не было вообще ничего. Сверху, снизу,

боку—только мягкий струящийся свет. Вера словно зависла в самом центре светящейся пустоты. А может быть, и не в центре... «Хаос,—подумала Вера,— вот, оказывается, что это такое... а я-то думала...». Но она не успела додумать эту мысль до конца... Что-то внезапно изменилось вокруг.

Прямо перед ней в сгустившейся пустоте показало движущееся тёмное пятнышко. Растёт, приближается... Что это? Ого! Да это же её старый знакомый воробышек! Скачет на своих тоненьких лапках и оглядывается на неё. Посмотрит на неё и скачет, посмотрит и снова скачет. Как будто зовёт куда-то...

Куда, интересно? Да и — *по чему* это он скачет? Ведь нет *ничего!*

Вера поболтала ногами в пустоте... о-ё-ёй... как бы не перевернуться — *вниз* головой... Ага! Где голова — там, значит, *верх*. Где ноги — там, значит, *низ*.

Только она это подумала, как что-то громко щёлкнуло, и она почувствовала под ногами вполне себе прочную *твердь*. Более того, она вдруг поняла, что до сих пор держит под мышкой альбом, цветные карандаши рассыпались перед ней по *тверди*, а воробышек (вот озорник!), который всё это *натворил*, как ни в чём не бывало вьётся у неё над самым ухом и весело чирикает. Чик-чирик... Хоп! — и уселся прямо Вере на плечо.

— Ну-с, голубушка, продолжим?

Ой, да какой там воробей?! На плече у Веры сидел, свесив ножки, крошечный человечек. На ножках — сандалики с крылышками, на головке — серебристый шлем, тоже с крылышками, в правой руке — оранжевая палочка, обвитая двумя зелёными змейками.

— Ты кто? — Вера чуть не задохнулась от неожиданности.

— Не узнала, умница из умниц? — засмеялся человечек, спрыгнул с Вериного плеча на *твердь* и вдруг стал расти-расти, пока не превратился во вполне-таки взрослого дядю.

— Всё ещё не узнала меня? — глядя на девочку сверху вниз, строго спросил незнакомец.

— Не-а... — вне себя от удивления прошептала Вера.

— Ну, тогда — трепещи! Если с трёх раз не угадаешь моё имя — останешься здесь навсегда. В пустоте и безвестности! Навсегда! Поняла? Итак — *раз*...

«Кто же это, кто? Так... у него есть крылышки... может, это ангел? Хотя почему крылья на сандалиях? Может, это сандалики-сороходы?» — думала Вера.

— А... «здесь» — это где? И где моя книжечка? И куда делься воробышек? — бормотала девочка, стараясь протянуть время, а сама пыталась сообщить.

«Кого-то он мне напоминает!» Она вспомнила, что у неё в той скучной книжке была точь-в-точь такая же картинка, и под ней даже было что-то

написано. Но вот что? Вера никак не могла вспомнить. Она даже закрыла глаза, чтобы представить эту страницу!

— Слишком много вопросов для глупой девчонки, которая вот-вот останется одна-одинёшенька в вечной пустоте! *Два*...

От страха Вера ещё крепче зажмурилась, и страница скучной книжки, наконец, отчётливо всплыла перед её внутренним зором...

Да-да... конечно... это он... Крылатый шлем... крылатые сандалии... ехидная ухмылочка... это он! Вестник богов, проводник между живым и мёртвым миром... великий хитрец и фокусник... отец всяческих перевоплощений... шутник и колдун... — Я вспомнила! — что есть мочи закричала Вера. — Ты Гермес! «Здесь» — это в Греции? Хочу домой! Ты сказал, что если я тебя узнаю, то буду дома!

— Полно врать-то, — добродушно ухмыляясь, сказал Гермес. — Когда это я сказал, что, вспомнив моё имя, ты будешь дома? Не-е-ет, голубушка. Возвращение домой надобно заслужить! А про Грецию — ты это зря. Где тут Греция? Тут только — *твердь*, как видишь. Вверху — *твердь* небесная. Внизу — *твердь* земная. По какому образу и подобию построить мир, в такой — боги тебе в помощь! — и вернёшься.

При этих словах Гермес потянулся, зевнул и промолвил как бы нехотя:

— Ну, я пошёл... а книжица эта тебе ещё пригодится. Если что — зови на помощь. Сожми пальчики

правой руки в кулачок, закрой глаза и громко крикни: «Гермес Трисмегист¹, немедля явись!» И я тотчас приду на помощь. Всё же ты вспомнила меня... я доволен. Буду нужен—помогу.

С этими словами Гермес медленно растворился в пространстве. Сначала исчезли крылышки, потом сандалии со шлемом, потом палочка со змеями, потом ухмылка, а потом и весь этот странный дядька исчез, как будто его и не было... Зато на тверди рядом Вера обнаружила довольно-таки уютное креслице и столик, на котором вольно расположились альбом, карандаши и всё та же книжка—«Мифы Древней Греции».

«Ну и что теперь делать?—думала Вера.—Что же он говорил? По какому образу построишь мир—в такой и вернёшься... Что это значит?»

Она села в кресло и закрыла глаза. Она всегда так делала, когда нужно было сосредоточиться и что-то представить. В голове проплывали картинки: вот Вера сидит на балконе, рядом книжка, а за окном дерево, а на дереве воробышек. И она очень хорошо помнила, как хотела его нарисовать. Вера открыла альбом, взяла карандаш и начала...

Как только она закончила рисовать воробышка, поставила последний штрих... Вдруг!!! Чик-чирик, чик-чирик... Воробышек снова прыгал по книжке.

«Ах, вот оно что!—подумала Вера.—Значит, то, что я рисую, появляется на самом деле. Ну... тогда... что же нарисовать? Нарисую-ка я и вправду свой дом—вот сразу домой и попаду...»

Тут она задумалась. «Хорошо, конечно, дома. Но там ведь нет ничего чудесного. Когда ещё представится такая возможность—мир творить... по образу и подобию?... Эх, надо попробовать! А домой вернуться всегда успею. Вот они, карандашики-то волшебные, в моих руках!»

Ну-с... Вера попыталась вызвать в воображении какую-нибудь подходящую картинку. Но ничего не получалось. Перед её глазами беспорядочно мелькали какие-то ветки, цветы, дома с колоннами и без колонн.

Тут взгляд Веры упал на книжку. «Интересно, может быть, там написано что-нибудь по этому поводу?»

—Давай-ка почитаем,—сказала Вера воробышку. Открыла и начала читать вслух...

Странная это была книжка! Её слова и строчки возникали как будто у Веры в голове, в воображении, и только потом всплывали на странице...

Так... твердь земная... Земля... Вера увидела прямо перед собой медленно кружащийся глобус.

Девочка схватила карандаш и... Раз-два-три! Отличный разноцветный глобус на чёрной пластмассовой подставке стоял перед ней на столе.

—Крутнём? Где же я хочу оказаться? Да не всё ли равно? У меня же волшебные карандаши!

Вера остановила глобус и ткнула пальцем на обум.

Ой! Что такое? Влажный солёный ветер дохнул ей в лицо, твердь под ногами зашевелилась... в ярко-голубом небе над головой жарко светило солнце... ни стола, ни кресла, ни глобуса... Вера сидела в маленькой деревянной лодке под белым полотняным парусом. И куда ни глянь—везде только волны, лазурные морские волны...

«Ну ты снова попала!»—рассердилась на себя Вера.

Хорошо хоть альбом с карандашами всё так же был при ней, да воробышек весело чирикал, перепархивая по парусам с реи на рею.

«Надо быть осторожнее! Что же нарисовать, чтобы не попасть в глупое положение? Если тут море (интересно, какое?)... надо придумать берег! Но как же его придумать, раз я даже не знаю, где я? Вдруг опять куда-нибудь не туда попаду? Похоже, положение становится безвыходным. Пора звать на помощь!»

Вера сжала кулачок, зажмурилась и крикнула:—Гермес Трисмегист, немедля явись!

Тишина.

Вера снова крикнула:

—Гермес Трисмегист...

Тишина.

—Ух, обманщик!—Вера чуть не заплакала.

—И зачем так орать?—услышала она прямо за спиной.—Я не глухой.

Вера вскочила, чуть не перевернув качнувшуюся лодку,—позади, на соседней скамейке, лежал, растянувшись во всю длину, огромный серый кот.—Что уставилась?—промурлыкал кот вполне дружелюбно.—Да-да, это я. Принимаю облик, какой хочешь. Ты же оказала мне такую услугу—одним движением пальчика отправила нежиться под тёплое солнышко Эгейского моря!

—Коты вообще-то боятся воды. Нет бы рыбкой золотой обернулся. Я читала книжку, где золотая рыбка желания исполняла.

—Рыбкой—это банально,—потягиваясь и зажмурив глаза от солнца, сказал кот.—Котиком веселее плыть по морю, чем рыбкой. Мур-мур-мур...

—Ну так помоги мне, колдун! Эгейское море, говоришь? Наверняка ты знаешь какую-нибудь чудесную историю! Расскажи, а я нарисую картинку. Может, так у нас с тобой получится что-то сотворить?

—Ах,—вздыхнул кот,—все здешние истории полны печали. Видишь—там, впереди...

Вера пригляделась, и действительно прямо по курсу вдалеке появились очертания берега.

—Что это?—спросила она, уже ничему не удивляясь.

—Это, голубушка, остров Крит.

—Давай придумаем попутный ветер, чтобы как можно скорее добраться до него!

.....

1. «Трисмегист» по-древнегречески означает «Трижды Величайший».

— Ты правда этого хочешь?

— Конечно!

— Ну-ну... как бы не пожалеть потом! Впрочем, как угодно... «Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч... не губи ты нашу душу, выплесни ты нас на сушу!»

— Это Пушкин! — засмеялась было Вера.

Но вдруг парус лодочки раздулся под внезапно налетевшим порывом ветра, и лёгкое судёнышко стремительно понеслось по волнам навстречу приключениям.

Глава вторая,

в которой Вера узнаёт страшную тайну острова Крит и пытается понять цель своего путешествия

Вера проснулась оттого, что жаркий луч солнца пощекотал её нос и щеки.

«Опа... как хорошо, что кончился этот страшный сон!» — подумала она и открыла глаза.

Над ней — над самым лицом — шевелились огромные кружевные листья.

Что за дерево?

В широких ветвях, склонившихся над ней, трепетали солнечные пятна, что-то трещало и свистело... какие-то насекомые и птички... Было так тепло, безмятежно и ласково, что Вера и не поняла даже, огорчаться ей или радоваться.

«Это какой-то бесконечный сон. Ну, делать нечего. Посмотрим, что у нас тут такое... во сне. Что-то есть хочется... Я бы с удовольствием сейчас съела сырников. Или блинчиков со сгущёнкой».

Тут она размечталась. По привычке закрыла глаза, и перед глазами у неё поплыли тарелки с разными блюдами. Блинчики, сырники, котлеты

с картофельным пюре, и опять блинчики, и курочка с румяной корочкой, а вот и огурчик с помидором под сметаной... У Веры закружилась голова, и внутри что-то заурчало, а потом стало засасывать, как будто она проглотила стрелу с присоской.

«Может, нарисовать себе завтрак?» — подумала Вера.

В этот момент листья задрожали, зашуршали, и она чётко услышала:

— Ах-ха-ха!! Ах-ха-ха!!!

«Похоже, я от голода схожу с ума! Надо мной деревья начали смеяться».

— Ах-ха-ха!! Ах-ха-ха!!!

Смех становился всё громче. Теперь Вере казалось, что смеётся не всё дерево, а ветка или даже лист, свисающий над самым ухом...

— Сырники? Ну, тогда тебе прямая дорога к козопасам, — сказал листик, свернулся в трубочку и превратился в зелёную змейку.

— Пойдём, — сказала змейка, переползая Вере на плечо, — я покажу дорогу. Видишь, вон там... над кустами — дымок. Это пастухи варят сыр. Если ты им понравишься, они и накормят, и расскажут, что у них тут за дела...

С этими словами змейка скользнула в траву и зашуршала впереди, словно призывая девочку следовать за ней.

И Вера послушно пошла за змейкой. По дороге она с интересом разглядывала пятнышки на спинке змейки. Они были разных оттенков зелёного и коричневого цвета.

— Гермес, это снова ты? — немного смутившись, спросила Вера.

— Сообразительная девочка! — хихикнула змейка. — Респект!

Вскоре змейка вывела Веру на каменистую тропинку, которая петляла между раскидистых деревьев и тёмно-зелёных кустов, усеянных розовыми цветочками. Но как только Верины босоножки коснулись камешков тропинки, змейка исчезла из виду...

Куда же идти?

Тёплый ветерок шевелил её растрёпанные волосы и... распространял вокруг какой-то вкусный-вкусный запах. Пахло свежей выпечкой и ещё чем-то... кисло-сладким...

«Пойду на запах, — решила Вера. — Кто бы ни были, не прогонят же они голодного ребёнка!»

— И в таком виде ты хочешь предстать перед простыми критскими пастухами?

— Гермес! Ты всё время появляешься как чёртик из коробки! — почти не удивляясь, обернулась Вера.

Вместо змейки на тропинке сидела тощая чёрная собачонка с острыми ушками и смотрела на Веру весёлыми карими глазами.

— Полюбуйся на себя! Волосы всклокочены, джинсы с дырками на коленках, на футболке какая-то рожа... Тебя не поймут!

— Что же делать?

— Волшебные карандаши зачем? Нарисуй себе подходящую одежду. Как у древних жителей Крита. Мы же с тобой не просто на острове Крит, а... постой, посчитаю... Так... По вашему летоисчислению, мы с тобой на Крите в две тысячи двадцатом году. Или около того. Разумеется, до вашей эры.

Вера уселась на пенёк, удачно оказавшийся поблизости, и привычно закрыла глаза, представляя себя вместо девушки с арфой из своей книжки.

«Ну... арфа нам пока ни к чему. А вот одеться как следует не мешало бы...»

Так. В кармане джинсов — несколько карандашей... Увы! Они стали маленькими, как огрызки, — иначе не поместились бы в карман. А в другом кармане — альбом, уменьшившийся до размеров записной книжки.

«Надеюсь, метаморфоза не повлияла на волшебные свойства карандашей», — подумала Вера и сама удивилась, какое красивое умное слово пришло ей в голову. Не иначе, Гермес и тут постарался!

«Итак, рисуем первым делом... расчёску и хорошенькую ленточку для волос».

Раз-два-три... Несколько размашистых штрихов — и перед Верой зеркало, заслонившее тропинку. У-у-у... и правда — какая-то неумытая неряха перед ней. Не дело!

Вера быстренько нарисовала деревенский рукомойник с водой, верёвку, чтобы привязать его к дереву, кусок мыла, зубную щётку, тюбик с пастой и полотенце.

И... разве могла она вообразить прежде, какое это наслаждение — умыться и почистить зубы?

Та-ак... теперь можно и причёской заняться. Вера тщательно расчесала свои длинные русые волосы, заплела их в косы и при помощи ленты обвила вокруг макушки. Ну вот... теперь на чело-века похожа. Как же теперь уподобиться человеку, который живёт... четыре тысячи лет назад?

Вера напрягла воображение и нарисовала в блокноте два белых куска полотна и большие ножницы. Так-с... прорежем дырку здесь... и вот здесь...

Хоп-хоп... Надела через голову, верёвкой подпоясалась. Ура! Вполне сойдёт за древнюю гречанку. Или критянку... а! всё равно!

«Хороша! Ну, хороша!» — вертелась Вера перед зеркалом.

Осталось только обувь придумать. А чего тут придумывать? Обычные пляжные сланцы. Только из кусочков кожи и нескольких верёвочек... Раз, два... нарисовала! Ну, всё! Теперь и ноги у нас в порядке.

Напоследок Вера нарисовала простую холщовую сумку, побросала туда расчёску, мыло, зубную щётку, пасту, маленькое круглое зеркальце, полотенце и карандаши... и — вот сюрприз! Обнаружила в кармане сброшенных джинсов почти совсем стёршийся пластиковый ластик... Хоп-хоп.

Сотрём ненужное, чтобы не оставлять лишних следов. Старая одежда, зеркало и рукомойник исчезли, будто их и не было.

А Вера вприпрыжку побежала по тропинке — туда, куда манил её вкусный запах человеческого жилья.

Чёрный пёс то опережал её, вертя хвостом и громко лая, то оставался далеко позади, гоняясь за ящерками и птицами. Наконец тропинка, по которой они бежали, оборвалась у края невысокого обрыва, с которого уже хорошо видны были несколько строений, сложенных из грубо отёсанного камня, крытых ветками и соломой и огороженных бревенчатым частоколом. Вера обрадовалась, но только сделала шаг, чтобы спуститься с обрыва, как сзади раздалось:

— Стой! Негоже юной деве путешествовать в одиночестве.

Она обернулась в недоумении. За её спиной прямо из воздуха образовался высокий седовласый и седобородый старец, весь в белом и с какой-то деревянной штуковиной на ремне, переброшенном через плечо.

— Гермес? Никак не привыкну к твоим штучкам... — Мы придём вот-вот в деревню... Запомни: я — странствующий певец... аэд... слепой... ты — мой поводырь... моя воспитанница... поняла?

— Да где уж мне понять? — обиделась было Вера, но тут же поддалась своему обычному любопытству: — Певец? Так ты поёшь? Спой что-нибудь — интересно, о чём это пели певцы... так ужасно давно! — О дитя! — воскликнул старик. — Ты не могла пожелать ничего более приятного для моего возвышенного сердца! Я не пел уже лет триста. И для тебя — спою старинным слогом ионийскую² песню о Минотавре.

.....
2. Ионийцы — одно из главных греческих племён, живших в Средней Греции (Атика) и на островах Эгейского моря. Центром ионийского мира считались Афины.

Тут он огляделся, нашёл у края тропинки камень покрупнее, уселся на него, поставил деревянную штукуну, которую он называл кифарой, на колено и ударил по струнам.

Вера думала, что услышит звук, подобный звуку арфы или гитары, но — нет... Звук у древнего инструмента оказался глуховатым и не очень выразительным на слух ценителя двадцать первого века. Конечно же, нашей эры. Ещё бы! Ведь кифара — всего лишь несколько деревяшек с натянутыми между ними воловьими жилами и небольшим ящичком-резонатором. Зато голос певца звучал мощно! Жаль, Вера сначала ни слова не поняла... — Погоди! — она дёрнула Гермеса за край плаща. — Что это за язык? Я ничего не понимаю!

— Ах да! — воскликнул старик. — Как же это я упустил?!

Он покрутил пальцами у Веры перед самым носом, трижды щёлкнул языком, дважды цыкнул зубом и промолвил на чистейшем дорийском³ наречии:

— Теперь, дитя, всё сказанное здесь будет открыто твоему вниманию! Готова ли ты выслушать печальную историю этого поистине прекрасного места?

— Только покороче, — сказала Вера, — а то очень кушать хочется.

Гермес неодобрительно хмыкнул, но ничего не сказал, а глубоко вздохнул и запел высоким зычным голосом:

Богов обманывать не смей —
Будь ты хоть трижды царь!
Для ложных жертвенных затей
Сооружён алтарь.

Минос, мир идёт ко дну,
Страшен Посейдон!
Сведёт с ума твою жену —
Крит будет обречён!

Прекрасен белоснежный бык,
Он не пойдёт под нож.
Подарок бога так велик,
Что с небесами схож.

Пусть вместо белого быка —
Телец на алтаре,
Бычок, пятнистые бока,
Зарезан на заре!

Минос, мир идёт ко дну,
Страшен Посейдон!
Сведёт с ума твою жену,
Крит будет обречён!

Ты слышишь этот жуткий крик?
Владыка вечных вод
В твой дом проклятием проник
И погубил твой род!

Дедал соорудил тюрьму,
И в ней из года в год,
Не видимое никому,
Позор народу твоему,
Чудовище живёт!

Минос, мир идёт ко дну,
Страшен Посейдон!
Сведёт с ума твою жену —
Крит будет обречён!

Гермес замолчал, положил на траву кифару и сказал задумчиво:

— Это длинная история... до сих пор в ней так и не разобрались до конца.

— Если честно, — виновато пробормотала Вера, — почти все слова твоей песни мне понятны, но смысла я так и не уловила... Извини.

— Неудивительно, — строго взглянул на неё Гермес, — глупо было бы ожидать от такой... мало начитанной особы какой-то другой реакции. Но перед тем, как мы спустимся с пригорка, надо всё-таки ввести тебя в курс дела. Иначе ты — по невежеству своему — такого можешь наворотить... Видишь ли, — продолжил он, не обращая внимания на обиженное выражение Вериного лица, — вон там... за большим холмом... за старой оливковой рощей... за большой дорогой... находится чудо архитектуры и инженерной мысли — Дворец царя Миноса. Тебе позарез надобно до него добраться, но сначала ты немного погостишь в деревне, жители которой снабжают Дворец сыром, вином и оливковым маслом. Идём же! Но когда встретим кого-нибудь, не забудь, что я слепой, а ты мой поводырь. Топай вперёд, я положу руку тебе на плечо и буду следовать за тобою.

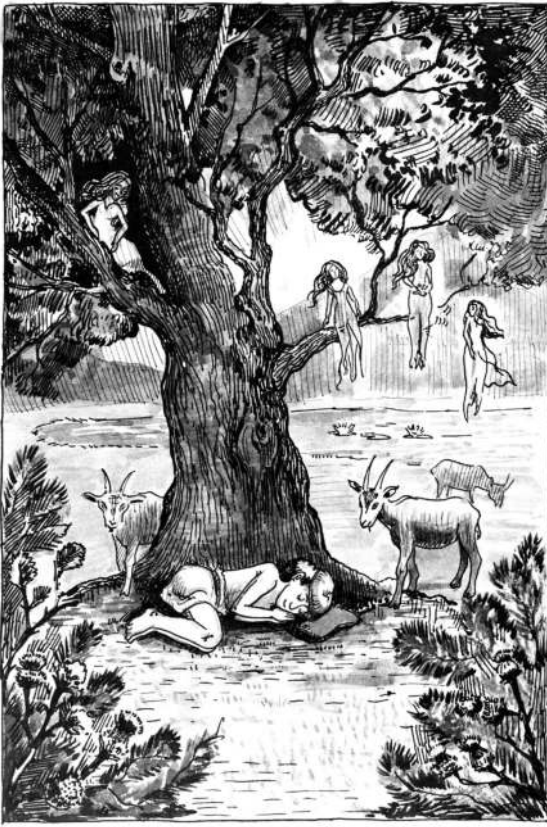
И они пошли, а по дороге старик рассказал вот что:

— В твоё время Крит — всего лишь греческий остров. Средиземное море, туристы, курорты. Но теперь мы — в центре могущественной морской державы. Её быстроходные корабли достигают самых отдалённых уголков ойкумены...

— Ой... ку... чего?

— Ойкумены! Так называется весь известный мир — суша, море, острова... всё, что могут охватить глаз и воображение... Так вот. Царь Минос держит в повиновении соседние народы, никто не смеет ему перечить. А критянам и бояться нечего! Нет такой военной силы, которая могла бы по морским волнам добраться до острова и победить Миноса. Поэтому нет на острове крепостных стен и защитных сооружений. Только мысль о красоте и гармонии руководит здешними строителями. Крит

.....
3. Дорийцы — так же, как ионийцы и эолийцы, одно из главных древнегреческих племён. Когда-то дорийцы вторглись в Южную Грецию и на острова с севера. Главные города дорийцев в древности — Спарта и Аргос.

прекрасен! Природа и создания людей находятся здесь в божественном равновесии. У тебя, дитя, скоро будет возможность убедиться в этом.

— Отлично! А в чём печаль?

— Зависти людской, дорогуша, нет предела... а о зависти богов я уже и не говорю!

Гермес даже остановился и почесал затылок.

— Иногда мне кажется, что добрые олимпийцы только и делают, что завидуют друг другу и несчастным смертным, которых угораздило уподобиться им по красоте, силе или мастерству... Да будет тебе известно... — тут он понизил голос, огляделся по сторонам и продолжил почти шёпотом, — что в этой истории замешаны такие... персоны, что при одной мысли о них даже мне становится не по себе... А ведь нам придётся... кому-то из них дорожку перейти. Иначе зачем было тебя из твоего континуума⁴ вытаскивать?

Ничего себе! У Веры мурашки побежали по спине. Выходит, всё не случайно? И тёплый весенний вечер, и бездельничанье на балконе, и задание по литературе, и книжка? И воробей? Тут, оказывается, надо кому-то всемогущему дорожку переходить... да ещё чтобы тебя вытащили из какого-то конти... ну, не важно!

— Но почему я?! — чуть не плача, воскликнула Вера. — Мне-то всё это зачем?

— Этого я не могу тебе сказать, — вздохнул Гермес, — потому что и сам толком пока не знаю.

Думаю, детали задачи выяснятся в процессе её решения. Вон там, — он ткнул посохом куда-то вдаль и влево, — далеко-далеко за морем, среди скал, южных сосен и виноградников, живут подданные Эгея. Со временем поселение, над которым властвует Эгей, разрастётся, прославится ваятелями и мудрецами, станет, как в твоё время скажут, «культурным центром» всего просвещённого мира, но сейчас это довольно-таки отстойный городишка... по сравнению с Кноссом, конечно, куда, надеюсь, ты скоро попадёшь. Так вот, несколько лет назад там, в Афинах, подло убит младший сын Миноса. Царь до сих пор в горе и ярости. Только и думает, как отомстить. Он хитёр... ох, как он хитёр! Но в искусстве лжи и клеветы никому не дано превзойти любимцев Паллады!⁵ Это ведь в Афинах придумали сказку о Минотавре.

— Сказку? — насторожилась Вера. — Вот с этого места нельзя ли подробнее?

— Можно и подробнее. Только... мы уже пришли.

И действительно, среди зарослей колючего кустарника открылась широкая поляна, на которой мирно паслись грязновато-пегие козы. А под раскидистым деревом на траве, прислонившись спиной к морщинистому бурому стволу, дремал себе в тенёчке парнишка, примерно Вериных лет. Из всей одежды на нём был только серый кусок полотна, обёрнутый вокруг туловища и небрежно схваченный по талии широким кожаным ремнём — Это кто? — шёпотом спросила Вера, не оборачиваясь.

Она была уверена, что спутник в любом случае её услышит.

— Подойди, спроси, — ехидно хмыкнул старик.

Вера на цыпочках приблизилась к мальчишке, опустила рядом с ним на корточки и тихонько сказала:

— Эй!

Её робкий возглас не возымел никакого эффекта. Парень только поморщился, засопел и перевернулся на бок, поджав под себя ноги.

— Ах, так?!

Вера сорвала длинную сухую травину и, зайдя на четвереньках с другого бока, с невыразимо сладким злорадством пощекотала ею беззащитную мальчишечью ноздрю...

Ух, как он подскочил! Чихнул раз пять подряд, протёр глаза и вовсе не дружелюбно вытаращил их на незнакомцев...

— Привет! — робко сказала Вера.

— Чего тебе? — парень явно не склонен был разговаривать.

— Скажи, это твои козы?

.....

4. В физике — единство пространства и времени.

5. Паллада — прозвище богини Афины, покровительницы одноимённого города-государства в Древней Греции.

— Хозяина,— буркнул пастушонок.— А вы кто такие будете?

— Афелос, аэд,— наконец подал голос Гермес.— А это Вера, воспитанница моя, единственный мой поводырь... Не найдётся ли у твоего хозяина немного еды для голодных и уставших путников? А может быть, он пустит нас на ночлег? Мы идём от самого Феста и уже почти без сил.

— Аэд?— недоверчиво переспросил паренёк, но, оглядев незнакомцев с головы до ног, смягчился.— Хорошо, побегу спрощу... Афелос, говоришь? Вроде слышал я про такого... Ну, я пошёл,— он крутанул на голых пятках и в мгновение ока исчез за кустами.

Вера обречённо посмотрела ему вслед.

— Когда он вернётся, мне уже будет всё равно... я уже буду хладный труп... я теперь поняла, как умирают от голода...

— Смешно!— ухмыльнулся старик.— На лугу пацуса ко... А кто-то тут собрался умирать от голода... Ну что, дорогуша? Иди доить козу. Не мне же, слепому аэду, её доить? Только нужно придумать, во что ты её доить будешь.

— Придётся рисовать...— и Вера привычно потянулась за карандашами и блокнотом.

Гермес проводил её движение неодобрительным взглядом.

— Ты поосторожнее с карандашами. Здесь не всё материализуется по твоему желанию. Это во-первых. А во-вторых, карандаши не вечные, их сила может закончиться раньше, чем нужно. Прибереги их для важного.

— Ладно, это последний раз.

— Ну, скажем, не последний... но всё же. Поосторожней с волшебством.

— Ага!

И Вера нарисовала небольшой кувшин. Потом она вознамерилась нарисовать рукомойник, чтобы помыть руки. Вера вспомнила, как она ездила к бабушке в деревню. Там была корова Майка, и бабушка всегда тщательно мыла руки перед дойкой.

— Эй...— остановил её Гермес.— Рядом с пастбищем обязательно должен быть источник... Ну-ка...

Он поплевал на указательный палец и со значительным выражением лица поднял его перед собственным носом...

— Хайрэ...— услышала Вера над головой.— Хайрэ...

Ароматный вихрь обдал её с головы до пят приветливой влагой...

— Привет, Гермес... привет... привет...

Перед глазами девочки быстро-быстро замелькали крошечные полупрозрачные тельца.

— Это наяды,— шепнул старик,— духи местных вод. Где-то рядом— озеро... или речка...

Он сделал несколько шагов в сторону, пошевелил палкой в траве, и Вера вдруг услышала безмятежный ласковый говорок:

Камешки, травинки,
Лёгкая водица,—
Всё, чтобы напиться,
Всё, чтобы умыться.
Под плакучей ивой—
Родничок на дне.
Путник торопливый,
Загляни ко мне.

Едва Вера подумала, кто бы это мог так петь, как откуда-то из-под кустов показалась... тень? Нет, для тени она была слишком живая... Показалось почти бесплотное, но явно живое существо— просто-таки излучающее доброжелательность и ласку.

— Как же я рада тебе, Трисмегист! А это милое дитя? Оно—с тобой?.. Ох, да нет ли тут чего-нибудь дурного? Не задумал ли ты чего?..

— Ничего такого задумать не могу я, Лириопа, чего не было бы в замыслах у Эгиоха!⁶ Напои и умой Веру. Ей надобно... подоить козу.

Лириопа рассмеялась, словно хрустальные колокольчики зазвенели. И показалась уже, так сказать, во плоти.

Она была ростом чуть выше Веры, всё её маленькое тельце окутывали волны изумрудно-зелёных волос... а ножки... их трудно было разглядеть в густой траве, но Вера заметила между пальчиками её босых ножек самые настоящие перепонки. Как у лягушки...

— Ах, дитя... ты так устала, бедная... ну, иди, иди сюда... я тебя искупаю...

С этими словами Лириопа схватила Веру за руку и потянула за собой. Кусты раздвинулись, и Вера увидела чудесное круглое озеро, заросшее тростником и огромными белыми лилиями, плавающими по воде среди тёмно-зелёных листьев. Вода в озере была настолько прозрачная, что бере видны были и стебли растений, поднимающиеся со дна, и красные и жёлтые рыбки, скользящие между ними, и собственные ступни, едва касающиеся песочка, по которому она заходила в озеро, сбросив платье и сандалии на берегу...

Вера даже забыла про голод, окунувшись в озеро Лириопы, но когда она вышла на берег, в животе у неё снова заурчало...

— Ты и в самом деле хочешь подоить козу?— улыбнулась наяда.— Ну, идём. Посмотрим, что можно сделать.

Козы по-прежнему мирно щипали травку на поляне. Лириопа приблизилась к той, что была поближе, обняла её за шею, что-то шепнула ей в ухо и поманила Веру ладошкой.

Вера подхватила кувшин и быстренько пристроилась к козе.

.....
6. Эгиох—одно из прозвищ Зевса, царя богов и людей.

— Вот,— сказала Лириопа,— сначала омоем козочке вымя,— она выпустила из ладошки струю тёплой воды, коза сказала «ме-е-е-е-е» и покосилась на Веру влажным миндалевидным глазом.— А теперь, дитя, смажь ей соски маслом...

В ладони Лириопы появилось пятнышко растительного масла. Наяда перелила масло на Верину ладонь, и девочка сначала растёрла масло между пальцами, а потом боязливо прикоснулась к козьему вымени...

— Не бойся,— шепнула Лириопа,— козочка хочет дать тебе молока.

Вера подставила под вымя кувшин и—неожиданно для себя—стала ловко доить козу. Лириопа стояла рядом и посмеивалась. А коза время от времени, обернувшись, поглядывала на них и тоже, казалось, ухмылялась...

Наконец Верин кувшинчик наполнился. Не отходя от козы, Вера прильнула губами к его краю...

Ух ты! Такой вкусноты она никогда и не пробовала. Молоко было густое, жирное и как-то особенно пахло...

Несколько глотков—и Вера была сыта.

— Афелос, Афелос!— послышалось издалека.

Это пастушонок возвращался из деревни.

— Прощай, Вера,— сказала Лириопа.— Может, ещё свидимся.

С этими словами она обняла Веру и медленно растворилась в воздухе.

Запыхавшийся от бега мальчишка—сам похожий на взъерошенного козлёнка,— тормозя пятками, влетел на поляну.

— Хозяин Ликаон просит пожаловать,— выпалил он, как будто эти слова еле-еле дождались минуты, когда он выпустит их наружу,— и заранее извиняется за простоту угощения. Люди мы обыкновенные, без затей... но рады прославленному Афелосу от души.

«Афелос-то здесь, оказывается, звезда!»— подумала Вера— и протянула мальчишке кувшинчик с остатками молока.

Тот взял кувшинчик, бросил на Веру одновременно благодарный и неодобрительный взгляд и в три глотка осушил посудину.

— Я вас отведу,— сообщил он, вытирая губы тыльной стороной ладони,— и тут же вернусь к нашим козочкам. В лесу беспокойно...

— Мы ни одного злодея по дороге не встретили,— улынулась Вера.— Но даже если кто-нибудь захочет ваших козочек... забрать, что ты сможешь сделать?

— Кому придёт в голову забрать наших коз?— поднял брови парень.— Тут неподалёку пантера вывела котят... Но если даже она захочет полакомиться козлятинкой, вот что у меня есть,— парень с гордостью вытащил из-под ремня свёрнутый в несколько раз кнут с отполированной до блеска

ручкой.— Позову своих на помощь, а сам, пока не прибегут, буду отбиваться. Отобьюсь!

Вера только плечами пожала: герой!

Гермес-Афелос нетерпеливо кашлянул, и втроем они стали спускаться по узенькой тропинке, незаметно вьющейся между кустами, к деревне, которая, приближаясь, всё яснее напоминала о себе запахами и звуками.

И поскольку первый голод Вера уже благополучно утолила, теперь её одолевало любопытство, и она принялась расспрашивать пастушка обо всём, что на тот момент приходило ей в голову. Тот был не слишком разговорчив, но кое-что Вере удалось-таки выведать.

У Ликаона, как, впрочем, и у остальных жителей посёлка, который называется Матала, хозяйство небольшое—он в основном ловит рыбу и охотится на кабанов и оленей, их в горных лесах множество. Жена его и дети ухаживают за виноградо-ником и присматривают за молодой оливковой рощицей. Есть у них несколько овец и козы... те самые, с которыми так близко познакомилась Вера. Сам-то пастушонок—сирота, не помнит ни отца, ни матери. Ликаон подобрал его младенцем на обочине дороги, ведущей к Дворцу. Вырастил и воспитал наравне с родными сыновьями, так что для семьи хозяина и для многочисленной родни, которая обитает рядом, он—такой же домочадец, как и остальные.

— А зовут-то тебя как, герой?— непринуждённо поинтересовалась девочка.

— Парис,— ответил тот,— моё имя—Парис. А ты—я запомнил—Вера!

«Где-то я уже слышала это имя,—подумала Вера.—Эх, надо будет, как выдаться минутка, книжку мою полистать... Где она, кстати, моя книжка?»

Она поспешно пощупала сумку, висевшую у неё на боку. Книжка была на месте.

— Раньше надо было об этом позаботиться,— проворчал по-русски Гермес-Афелос, словно Вера думала вслух.

Парис удивлённо посмотрел на него, но ничего не сказал.

Глава третья,

в которой Вера узнаёт историю Тесея и видит очень познавательный сон

Укалитки в частокле, огораживающем несколько построек, сложенных из камней и крытых ветками и соломой, собралось едва ли не всё население деревни. Всем хотелось увидеть и послушать знаменитого песнопевца, слава о котором докатилась и до этого тихого уголка. Расспросить, как там, за горами, за морем, люди живут... да и люди ли там живут, где нас нет и где вряд ли когда-нибудь мы побываем?... Правда ли, что на островах,

затерянных в пучине морской, пасут овец чудовища-циклопы? Не встречал ли Афелос в лесах неизвестных чудесных тварей? А главное, что слышно о царе Эгее, который ежегодно присылает на Крит обильную дань?

Сначала Веру смутило почти полное отсутствие одежды на окружающих её людях. Юноши, девушки и почтенные — судя по их виду и отношению к ним младших — мужчины и женщины были едва прикрыты одним-двумя кусками сероватого домотканого полотна, а дети и вовсе бегали голышом. Но потом она привыкла, потому что здесь на это совсем не обращали внимания.

В дружелюбной жизнерадостной толпе встречающих Парис проводил Афелоса и Веру к самой большой постройке посреди деревни и, попрощавшись, помчался в лес, к своим козам.

«Дисциплина тут у них! — подумала Вера. — Представляю, как я повела себя на его месте... Если бы, скажем, в наш город приехала какая-нибудь мировая суперзвезда, а меня, вместо того чтобы наслаждаться концертом, заставили бы что-то делать по дому...»

Постройка, к которой они подошли, представляла собой что-то вроде крытого двора. Под огромным навесом, опирающимся на несколько здоровенных, врытых в землю брёвен, расстелен грубый шерстяной ковёр, на котором Вера увидела аккуратно разложенные и расставленные яства — куски мяса на двух деревянных подносах, рассыпчатая каша в глубокой глиняной миске, лепёшки, несколько кувшинов, больших и маленьких, — видимо, с водой, вином и маслом, виноград, очищенные грецкие орехи, пучки зелени и, конечно же, сыр. Вкусно пахло дымом и свежей едой. Так вкусно, что Вере снова захотелось есть.

— Проходи, устраивайся, Афелос! — поклонился гостю Ликаон, высокий дородный бородатый мужчина, одетый с чуть большей претензией, чем остальные. — Подкрепи силы с дороги, а потом — поведай нам, где ты был, что слышал от людей, какие происшествия сам застал. А песням твоим, Афелос, мы так уж будем рады, так рады! Не часто заходят в нашу деревню богоравные песнопевцы. Даже и не помню, когда это случилось в последний раз.

Тут, не взглянув на Веру, он взял Афелоса под руку, подвёл к ковру, помог устроиться на мешке, набитом, видимо, овечьей шерстью, и сделал знак парням, стоящим неподалёку, чтобы они ухаживали за слепым...

— Позволь, Ликаон, помощнице ухаживать за мной, — почувствовал его движение Афелос, — она понимает меня с полуслова и даже без слов. Раз реши ей присесть рядом.

Разумеется, желание высокого гостя было тут же исполнено, хотя Вера в первый момент чуть не задохнулась от возмущения. Но такой уж тут был порядок: маленькой девочке — не место за трапезой взрослых мужчин.

Заботливые хозяева вместе с гостем, как на пикнике, заняли места у ковра; молодёжь и женщины с детьми, ожидавшие песен, столпились за их спинами, и трапеза началась...

Да, много там было вкусного... Вера брала руками мясо, лепёшки, сыр и зелень, наливала воду из кувшина в красивую чашу с узорами и подносила всё это Афелосу, который делал вид, что ест с аппетитом, а на самом деле незаметными жестами возвращал угощенье Вере.

Наконец все насытились. Ликаон снова взял певца под руку и повёл на пригорок, где под огромным старым ясенем вся деревня обычно собиралась на сход. Афелос опустился на пенёк, и люди мгновенно окружили его, рассевшись на траве. — Я привёз вам вести из Кекропова града⁷, который некогда посвящён был Палладе, — Афелос ударил по струнам и медленно проговорил: — Царь Эгей наконец обрёл наследника...

По толпе прокатился сдержанный ропот, а певец продолжал:

Царь Кекропова града, злосчастный Эгей,
Не имел — по решению Олимпа — детей;
Две бездетных жены — даром время прошло,
Нет наследника, словно всем предкам назло.
Отправляется в Дельфы стареющий царь,
Где узнать свою участь желает, как встарь
Находили ответ на вопросы свои
Заплутавшие в жизненных дребнях цари.
«Как, оракул, мне царство своё сохранить?
Как распутать судьбы узловатую нить?»
Дал оракул ответ, но попробуй понять,
Что туманною речью он хочет сказать?
«Поспешу я в Трезену, — решает Эгей. —
Друг Петфей, самый мудрый из мудрых царей,
Объяснит мне дельфийскую тёмную речь
И научит, как быть и как царство сбережь».
У Петфея — на выданье старшая дочь.
Знает хитрый Петфей, как Эгею помочь.
«Ты наследника вскоре, Эгей, обретёшь,
Если Эфру прекрасную в жёны возьмёшь!
Будет сын твой — великий и славный герой,
За родные Афины он встанет горой.
Час настанет, и время такое придёт,
Он Кекропову граду свободу вернёт...»

Тут Афелос остановился, чтобы перевести дыхание, а слушающие снова зароптали... ведь они знали, о какой свободе поёт аэд: Минос, царь Крита, когда афиняне убили его сына, отправил к берегам Аттики мощный флот, наголову разбил слабое афинское сопротивление и наложил на Эгея тяжёлую дань. Раз в год Афины должны

7. Кекропов град — Афины, которые, по ионийскому преданию, основал божественный полужемей Кекроп.

были присылать на Крит полтора десятка крепких здоровых юношей и девушек. Их приобщали к законам Крита, парней учили военному делу и благородным ремёслам, девушки становились ученицами Гести, покровительницы Крита. Всё это Минос делал для того, чтобы со временем, вернувшись на родину, эти молодые люди принесли в дикую Аттику добронравие и любовь к красоте, столь свойственные жителям Крита. И вот, оказывается, за морем только и ждут, чтобы нашёлся безумец, который попыбует нарушить великолепный критский замысел! (Всё это Вера поняла из разговоров и перешёптываний, которыми обменивались слушатели, пока Афелос-Гермес отдыхал.) Но вот он снова набрал воздуха в лёгкие и продолжил песню:

Рад Эгей—и, послушный всесильной судьбе,
Отвечает Петфею: «Я верю тебе!
Эфру в жёны беру—будем свадьбу играть.
Но одно обещание должен ты дать.
Возвращаясь с надеждой в родную страну,
Не могу привезти я с собою жену:
Убратишки Палланта—к печали моей—
Пятьдесят претендуют на трон сыновей.
И поклялся Паллант: только дам сабину,
Он в горах и долинах развяжет войну,
И не важно, кто в этой войне победит,
Потому что прозвание ему—Паллантид!
Чтоб народ не расстраивать сплетней пустой,
Я прекрасную Эфру оставлю с тобой.
Если сын твоей дочерью будет рождён,
Объяви, что отец у него—Посейдон!
Если девочку боги даруют—она
Будет в храм для служения Муз отдана».
Согласился Петфей. Под огромной плитой
Спрятал грустный Эгей меч испытанный свой
И сандалии из кожи подводной змеи
Схоронил под плитой как заветы свои.
Если слово Петфея—не лепет пустой,
Сын добудет, что скрыто под тяжкой плитой.

Он в Афины придёт—пусть пошлёт его мать,—
Чтобы царство отцовское в руки принять,
По мечу и сандалям смогу я узнать,
Тот ли он, кому трон я могу передать.
Но пока не созреет отважный юнец,
Пусть не ведает, кто ему вправду отец.

Так уехал Эгей из Трезены—и в срок
Эфре сына послал упомянутый бог.
По земле многолюдной и горестной всей
Прогремит на века это имя—*Тесей!*

Афелос снова прервал песню, чтобы передохнуть...
— Тесей... Тесей...—шептали друг другу слушатели.— Неужели тот самый?

Мрачным холодком повеяло в окружившей аэда толпе. А тот между тем продолжал:

Расскажу вам теперь, как отважный Тесей
Добивался намеченной цели своей.
Срок настал—и отцовский завещанный меч
Из-под тяжкого камня сумел он извлечь.
И сандалии отцовские в пору юнцу—
Да уже не юнцу, а лихому бойцу!
Он Геракла примером избрал для себя,
Чтобы жить, справедливость творя и любя,
И в Афины отправился чуть погоды,
На разбойников страх по пути наводя.
В Эпидавре шалил великан Перифет,
Встретил в чаще Тесея—и хищника нет!
Лютой смертью наказан жестокий злодей—
Заодно булавой расплатился своей:
Пусть Тесею послужит его булава—
Не одна от неё полетит голова!
На заманчивом Истме в сосновом бору
Кровожадный Синис вновь затеял игру:
Сосны сделал разбойник оружием своим—
Не рисков, путешественник, встретиться с ним.
Но Тесей не таков, чтоб в ловушку попасть,
Велика его силы разумная власть!
И повержен Синис, путь по Истму открыт,
Сын Эгея к отцовскому дому спешит!

Афелос всё пел и пел... жители деревни слушали его, боясь пропустить хотя бы слово, но Веру от его монотонного пения неумолимо клонило в сон.

Она сидела на траве, прислонившись к стволу ясеня... пышные ветки, словно шатёр, прикрывали её от солнца... девочка потеряла счёт времени... ей казалось, что здесь, на Крите, среди этих красивых и добрых людей, она живёт давным-давно, а её жизнь в большом городе, среди стекла и бетона, автомобилей и гаджетов,—где она? Может быть, она тоже—только сон?

Сквозь дремоту до Веры слабо доносились слова певца: ужасного вепря убил Тесей в Кромионском лесу... чудовище лютое сбросил со Скиронской скалы... Керкиона-великана разбил в Элевсине... проучил Прокруста, растянув самого разбойника на ложе, на котором тот пытал незадачливых путников... в водах Кефиса священных омылся герой от пыли и крови дорог и подвигов... и был узан в Афинах отцом, наконец...

Песня Афелоса становилась всё тише и тише, словно удаляясь... Вера почувствовала покачивание, как будто её снова куда-то уносит лодка, но открывать глаза ей не хотелось... и она поплыла сквозь сон—не чувствуя ни страха, ни любопытства...

— Вера, Вера,—донеслось до неё,—Вера, проснись!

Это был мамин голос! Как же Вера до сих пор не вспомнила о маме?! Мама, конечно же, с ума сходит! Где дочка? Куда пропала? Родители, наверное, уже и в полицию звонили, и во все больницы и морги... да весь город, скорее всего, на ушах стоит!!! Веру охватил ужас... она не решалась

открыть глаза: всё ещё надеялась, что проснётся— и вот он, родной балкон... или, по крайней мере, родная кровать...

Она открыла глаза... ни ясеня, ни деревни, ни травы... Вера сидела на чём-то мягком и пушистом... над её головой простиралось сияющее воздушное пространство, а внизу, как хлопья взбитых сливок, покачивались облака. Это было как в самолёте, только золотистое руно, на котором сидела Вера, не мчалось со скоростью тысяча километров в час, а тихонько плыло высоко-высоко над землёй... — Не бойся, Вера,— послышалось рядом,— посмотри на меня!

Вера обернулась—рядом с ней на мягкой бараньей шкуре, поджав под себя ноги, сидела женщина ослепительной красоты. В буквальном смысле—ослепительной! От её лица исходил настолько яркий свет, что Вере пришлось зажмуриться, и, зажмурившись, она видела это прекрасное лицо—словно в тумане...

Баранья шкура поднималась всё выше и выше... — Смотри, Вера, смотри вниз! Это Крит, священная родина богов. Мой мир,—и, перехватив вопросительный Верин взгляд, она улыбнулась.— Я—Рея. Здешние люди дали мне имя—Великая Мать. А люди твоего времени называют меня Мать-Природа. В твоём времени уже научились пользоваться частью моей силы. Вы называете это магнетизмом или электричеством. Но это лишь малая толика, капля в океане силы, которая пронизывает Вселенную. И хранительница этой силы—я.

«Ну да...—подумала Вера,—теперь это уже сон во сне»,—и решила ничему не удивляться. Она только широко улыбнулась новой знакомой и послушно стала смотреть туда, куда указывала Рея.

Внизу, постепенно удаляясь, разворачивалась захватывающая дух панорама: горы, покрытые кудрявым лесом, а на вершинах блистающие снеговыми шапками... их скалистые склоны то спускались прямо в море, то словно отшатывались от него, уступая место серебристым пляжам. Всё дышало таким величественным покоем, что невозможно было не поверить, что здесь действительно родина богов!

Баранья шкура поднялась уже так высоко, что Вера разглядела внизу очертания нескольких островов и вдалеке край суши, уходящей за горизонт. Эх, будь всё это не во сне, Вера окоченела бы уже от холода и стала бы задыхаться от недостатка кислорода, но от Реи, сидящей рядом, исходило такое нежное тепло и такая укрепляющая сила, что Вера только вертела головой, стараясь как можно лучше разглядеть проплывающие внизу картины. — Вон там, видишь, Вера,—протянула руку Рея,—остров Тира... богатая и прекрасная земля, владение Миноса, моего любимого внука.

С высоты Тира была похожа на удлинённый черепаший панцирь... ох! что-то дурное вспомнилось

Вере об этом острове... настолько дурное, что мурашки побежали по спине.

«А ведь я,—подумала она,—*столько* всего знаю... м-м-м, знала бы о далёком будущем этих мест, если бы хоть немножко интересовалась ими... тогда, у себя дома...»

— И я знаю,—сказала Рея.

Вера, конечно, дала себе слово ничему не удивляться, но всё же вздрогнула от неожиданности. Вот ведь—ничего не скроешь от этих богов!

— Я знаю,—продолжала Рея,—что ждёт и Тиру, и Крит, и царство Миноса... Я даже больше знаю—знаю, что ждёт тебя, твою семью и твою страну в ещё более отдалённые времена. Бессмертные пребывают сразу во многих измерениях мира, поэтому-то они и всеведущи. Но это не значит, что всё предопределено. Кое-что можно изменить, если правильно высчитать момент, место и...—она замолчала на мгновение, как-то особенно взглянув на Веру,—и героя.

От этого взгляда Вере снова стало не по себе, но она не подала вида, а только спросила:

— Вон там, за вереницей облаков, какая-то большая суша... тоже остров?

— Там? Это берег огромного материка, Вера. Твои соотечественники и современники называют его Евразией. Но сейчас ты видишь только узкую береговую полосу... Там Финикия, детка. Именно там впервые стали строить корабли и писать те самые буквы, от которых произошли те, что используешь ты... Там родилась мать моего внука Миноса—прекрасная Европа. — Европа?!

— Да-да, именно так. В твоё время люди называют Европой часть света—с морями, горами, реками и озёрами, с огромными странами. Большая честь для смертной женщины передать такой земле своё имя. Но она и вправду была мудра и прекрасна. Настолько мудра и прекрасна, что боги решили с её помощью построить идеальное государство на острове Крит. Государство людей под руководством богов.

Баранья шкура вдруг резко скользнула вниз. — Ой,—Вера инстинктивно прижалась к Рее, а та крепко обняла её—так, что Вере на мгновение показалось, что она так и сидит на табуретке, на своём балконе, а под балконом, в песочнице, играют малыши... такие милые, родные, что каждого Вере хотелось обнять и расцеловать...

И почему-то хотелось... чихнуть...

Глава четвёртая,

*в которой Вера становится
прилежной читательницей,
а Парис—знатоком преданий*

— А-а-апчихи!

Вера тряхнула головой и с трудом открыла глаза. Перед ней на корточках, ехидно ухмыляясь, сидел

Парис с тонкой веточкой в руке. Нашёл он всё-таки способ ей отомстить, пощекотал её сонный носик...

Вера, буквально закипев от возмущения, хотела уязвить парня убийственной колкостью, но пока она искала в памяти что-нибудь подходящее, взгляд её непроизвольно поднялся к верхушке дерева, под которым они сидели... и девочка обомлела! Над деревней раскинулось бескрайнее ночное небо. Чистое небо—без единого облачка. И оно было переполнено звёздами. Вера никогда такого не видела! Даже летом в деревне, вдалеке от городского электричества, в котором ночное небо тонет, как в световой дымке. Звёзды были крупные, яркие, другие—поменьше и потусклее, были и такие, что казались почти пылинками, и такие, что вместе образовывали длинные туманные пятна и полосы. И всё это жило, дышало, мерцало, струилось и переливалось.

— Ух ты!—невольно вырвалось у Веры.

— Ты что?—удивился Парис.

— Ничего,—спохватилась Вера,—небо красивое. Звёзды.

— А... я тоже люблю смотреть на звёзды. Приятно думать, что великие герои получают от богов бессмертие, превращаясь в звезду!

— Что же в этом приятного?—поёжилась Вера.— Или ты...

— Конечно,—скромно потупив глаза, отозвался Парис,—я обязательно стану героем! И рано или поздно стану звездой. Буду жить на небе. Бывает, смотрю на небо и ищу там свой будущий дом...

«Ну-ну»,—подумала Вера, но ничего не сказала, потому что ей снова пришло в голову, что на самом-то деле она отлично помнит это имя... Парис. Ну конечно. Она что-то читала о нём в той толстой скучной книженции. А если читала—значит, точно он стал героем! Ещё каким! Иначе как бы он в книжку попал?! Эх, жаль, что она ничегошеньки не помнит, что там о Парисе написано. Вроде была какая-то ссора богинь из-за яблока... что-то про обещание Афродиты, богини красоты и любви... Но какое отношение это имеет к мальчишке, который как ни в чём не бывало сидит рядом с ней под деревом? Не ясно. Однако... это легко поправить. Вот же она, книжка, в сумке, валяющейся рядом на траве. Памятуя, что книжка написана по-русски и Парис прочитать ничего не сможет, Вера решила тут же восполнить пробел в познаниях древнегреческой мифологии и, недолго думая, вытряхнула содержимое сумки на траву. Зря она это сделала!

Парис вытаращил глаза и прямо-таки затрясся от ужаса и любопытства. Что за странные предметы носит в сумке подозрительная гостья?!

— Что это?—прошептал он, инстинктивно протягивая руку к «Мифам Древней Греции».

(Кстати, к немалому удивлению Веры, на обложке теперь красовалось «Μίθοι Της Αρχαίας

Ελλάδας», и, что всего занятнее,—Вера прекрасно понимала каждое слово.)

— Ты о чём?—листая книжку и не обращая на него внимания, спросила Вера.

— Вот это что?—кивнул Парис в сторону рассыпанных вещей.

— Ах, это... Ну как что?—Вера задумалась на секунду и решила воспользоваться недавно услышанной формулой Гермеса.—Негоже... юной деве ходить без зеркальца и расчёски. Тем более что мне нужно срочно попасть во дворец. Ты ведь покажешь дорогу?

Вера подобрала свои вещи и машинально посмотрелась в зеркальце. А Парис прямо-таки оцепенел.

— А это... для чего?—Парис уставился на карандаши и блокнот.

— О-о-о-о... Это... Это простым смертным вообще трогать строго-настрога запрещено, ещё натворишь что-нибудь,—строго взглянула на него Вера.

Парис обиженно поджал губы, но страх и любопытство оказались сильнее обиды. Особенно—любопытство. Мальчик видел в руках у Веры странный предмет и не мог понять, что она с ним делает.

— Это моя книга,—сказала Вера и сама себя услышала как будто издалека.— Αυτό το βιβλίο μου.

— Библио?—потрясённо прошептал Парис.— Так ты родом из Библа? Я слышал об этом городе, что стоит он на высоком холме далеко-далеко за морем. И полон тот город чудес и волшебных вещей! Когда-то там жили боги... Они запросто приходили к жителям страны Финикии—и в Библе, и в Сидоне, где родилась Европа...

— Европа?—насторожилась Вера.— Что ты знаешь о Европе?

— Она—первая царица нашего царства. Мать Миноса-царя и героев-братьев его, Радаманта и Сарпедона.

— Минос... Минос...—Вера попыталась вспомнить всё, что ей рассказывала Рея и пел Гермес, но концы с концами всё равно не сходились.

Да, похоже, без книжки не обойтись.

Ночь была настолько ясная, что в сиянии огромной белой луны померкли даже звёзды, зато было светло, и Вера могла прочесть каждое слово в книге. Но где же в ней написано про Европу, про Миноса и Крит?

Ах да. В каждой книге есть оглавление. И оно обычно в самом конце. Или—наоборот—в самом начале? Вера перелистнула книгу к самой первой странице. Так—вот первая, вторая... Точно! Вот оно! Оглавление.

Верин пальчик быстро заскользил по строчкам. Парис, умирая от любопытства, вытянул шею... Он видел небывалым образом сшитые между собой ровно обрезанные куски какого-то невиданного материала, испещрённые чёрными значками, значения которых он не понимал...

«Она или богиня...—Париса бросило в холодный пот,—или колдунья... такая юная, но уже столь мудрая, что ловко управляется с предметом, явно волшебным и опасным... нет, пожалуй, всё-таки богиня!»

И вот он сидит рядом с ней и болтает о всякой всячине.

«Это потому, что я—герой, и она выбрала меня, чтобы явить свою мудрость!»—решил мальчишка и, набравшись храбрости, спросил, что это она делает: колдует?

—Да я ищу, где тут написано про Европу...

—Написано? Тут?

Парис расхрабрился настолько, что придвинулся к девочке вплотную и буквально уткнулся носом в книгу, следя за Вериним пальцем. И вот этот пальчик наконец остановился.

—Вот оно! Европа. Страница сто двадцатая. Так... двадцать пятая... пятидесятая... сотая... Вот!

Первое, что увидели они с Парисом, открыв нужную страницу,—был очень подробный и правдивый рисунок, изображавший быка и сидящую на его спине красивую девушку.

—Это она!—как ужаленный вскричал Парис.—Царица! О Вера, можешь ли ты сказать, что заключено в этих божественных знаках? Что в них? Предсказание? Совет?

«Э-э-э... да он неграмотный,—наконец-то догадалась Вера (вынуждена признать, что наша героиня тогда ещё слишком легко склонялась к поспешным выводам).—Тоже мне... герой!»

Но... стоит ли читать вслух? А вдруг там написано что-то такое, чего знать ему не положено?

Вера вдруг осознала всю степень ответственности перед собственным будущим... то есть—настоящим... то есть... ну как тут не запутаться во временах и историях? Вдруг что-нибудь такое узнает Парис—и в Верином будущем-настоящем произойдёт что-то непоправимое? Ой-ё-ёй... что-нибудь такое, что и самой Веры в том будущем не окажется?

Как же быть?

—Гермес Трисмегист...—привычно забормотала Вера...

—Его здесь нет,—неожиданно откликнулся Парис,—он исчез... вместе с кифарой. Мы так и поняли, что не простой это певец. Думали, Феб Аполлон... а оно вон что!

—Не бойся, Вера!—под внезапно налетевшим порывом ветра зашелестел ясень.—Доверься Парису. Вместе вы справитесь. Боги следят за вами. Читай смело. Ничего недозволенного в твоей книге нет.

Парис оторвался от книги, поднял голову... но услышал только шум ветра и шелест листьев. —Ну что ж,—вдохнула Вера,—посмотрим, что... заключено в этих божественных знаках...

Вот что она прочитала.

«Однажды Европа, дочь финикийского царя Агенора, увидела странный сон.

Ей снились две женщины-великанши. Одна из них была ей знакома. Дочь Океана Азия оберегала финикийцев от природных бедствий, помогала в странствиях и ремёслах, подавала советы Агенору и учила уму-разуму его красавицу-дочь. Но другую великаншу Европа не узнала. Та была на вид светлее кожей, стройнее и нежнее Азии. И вот спорили великанши, кому принадлежит она, Европа. Так спорили, что дошло у них до драки. Сначала Азия одолевала незнакомку, изящную и хрупкую по сравнению с ней. Но потом затянула незнакомка песню—долгую, как пути морские, монотонную, как шум волн и свист ветра, но такую сладкую и прекрасную, что утомлённая Азия заснула крепким сном. „Ты моя“,—прошептала безымянная великанша Европе.

От страха девушка проснулась и стала молиться о том, чтобы боги отвратили от неё несчастье.

Прошло несколько дней. Европа со своими подругами, как обычно, гуляла на берегу моря. Девушки играли и веселились. Их звонкий смех далеко разлетался по прибрежным скалам и, казалось, доносился до самого неба. Тут-то великий Зевс, Громовержец и Тучегонитель, отец и царь всех богов и людей, и обратил внимание на весёлый девичий кружок, отдыхающий на берегу моря. Европа блистала среди подруг божественной красотой. Полубил её Зевс и решил взять в жёны. Но как явиться девушке, не испугав и не покалечив её? Ведь не могут смертные, не рискуя жизнью, созерцать богов! Тогда принял Зевс образ быка невиданной красоты. Шелковистая шерсть его переливалась на солнце, на лбу горело серебряное пятно, подобно сиянию луны, а золотые рога были изогнуты как молодой месяц. Чудесное животное приблизилось к девушкам, а те, не чувствуя страха, окружили его и стали гладить и всячески ласкать. Конечно, Европа не осталась в стороне. Она тоже гладила быка по золотистой спине, целовала его широкий лоб и большие тёмные глаза. Чудо-бык лёг у ног красавицы, как бы прося её сесть на него. Но как только, смеясь, Европа села на широкую спину быка, он вскочил, быстро помчался к морю и, бросившись в воду, поплыл прочь.

Вскоре вдалеке появились очертания огромного острова. Это был Крит.

Здесь стала Европа новой супругой Зевса-царя. И родилось у них три сына...

Вера читала, пытаясь извлечь из прочитанного хоть что-то полезное в сложившейся ситуации, а сама тайком поглядывала на Париса: как он реагирует на смысл «божественных знаков». Мальчишка слушал сначала с восхищением, потом брови его приподнялись от удивления... Наконец он нахмурился и пробормотал сквозь зубы:

— Может, и правду говорят твои знаки, но у нас в Матале... тебе никто не поверит!

— Как это? — Вера даже икнула от неожиданности. — Как это не поверят? Вот же написано! — и она ткнула пальчиком в книгу.

— Что-то не видал я никогда быков, вплавь пересекающих море... — буркнул Парис. — И тем более чтобы они девушек воровали на краю света!

— Это же сам Зевс был. Только в образе быка.

— Зачем это ему? Европа на Рею смотрела каждый день собственными глазами! Ей ли Зевсова вида пугаться? К тому же Зевс одним движением бровей может перенести кого угодно куда угодно! Если только нет у него другого замысла.

Вера пожала плечами. Ей было нечего возразить. Сама-то она как здесь оказалась? Это вам не через море Эгейское переплыть!

— А как же картинка? — напомнила она. — Ты же узнал на ней Европу!

— Европа укротила быка! Это все знают! А ты или обманываешь меня, или божественные знаки не говорят тебе правды!

Вера поняла, что спорить бесполезно. Она вспомнила, что рассказывала ей Рея — во сне. «С помощью Европы было построено государство людей под руководством богов». Какое же это должно быть правильное и счастливое государство! Идеальное! И, видимо, в это государство Вера как раз и угодила. По воле богов.

«Эх, погуглить бы!» — подумала Вера, вздохнула и засмеялась. Только сейчас она, кажется, всерьёз поняла, какая непреодолимая пропасть разделяет её и Париса, который и книжки-то никогда в жизни не видел, и понятия не имеет, что это такое и зачем.

Впрочем... Дойди до этого дело, разве смогла бы Вера объяснить Парису, что такое Интернет, мобильная связь, телевидение? Выходит, все её знания о достижениях цивилизации, которыми она так гордится, здесь ровным счётом ничего не стоят. Вряд ли они вообще пригодятся... Что-то другое должно пригодиться. Что-то, что есть у неё. Из-за чего юную сибирячку забрали из привычного мира, от которого её теперь отделяют многие тысячи лет... Забрали и переместили сюда. Что же это? Как узнать?

— Ну... и как же было, по-твоему, на самом деле? — Вера вопросительно взглянула на раскрасневшегося от негодования Париса.

— Да это любой ребёнок расскажет в деревне, только спроси!

— А ты расскажешь?

Парень смутился.

— Я? Не приходилось мне предания-то пересказывать... Слушать — слушал. Отчего бы не послушать? Но рассказывать... даже не знаю, с чего начать.

— С начала начни. С самого начала.

Парис смутился:

— Да я бы рад. Но где ж оно, начало?

Глава пятая,

*или Что рассказал Парис
о преданиях острова Крит*

Старики говорят, что в незапамятные времена, когда не было ничего, кроме бесконечных вод Океана, из его глубины прародительница Рея подняла благодатный остров, наделённый всеми шедротами земли, моря и неба. Здесь, вместе с деревьями и подобно деревьям, выросли из влажных камней первые люди — сильные и вечно юные, как боги. Некоторые из них были великанами, другие — совсем крошечными, с палец ростом (их так и звали — дактили, пальцы). Но боги особенно благоволили к тем, кого создали сами, по своему образу и подобию. И жили тогда люди и боги вместе на плодоносной ласковой земле, не зная ни труда, ни болезней, ни старости, ни смерти. Так длилось долго. Очень долго. Пресытившись жизнью, говорят старцы, эти люди не умирали, а оставались тут же, превращаясь в невидимых светлых духов, обладающих прозрачными телами. В таком виде помогали они богам присматривать за порядком, учили детей и юношей законам и правилам совместной жизни, мудрости и справедливости. У людей и у богов рождались дети, и настал день, когда боги увидели, что, если дальше так пойдёт, то у земли не хватит сил дать кров и пищу всем — и старым, и новым. И задумали боги сделать так, чтобы старшие поколения людей безвозвратно исчезали, освобождая место под солнцем детям и внукам. Прознал об этой затее всемилолюбивший Крон, и поскольку любил он созданный им мир больше всего на свете, то воспротивился желанию остальных изменить его.

«Пусть всё останется как есть! — решил он. — Если нельзя иначе уберечь людей от гибели, то пусть новые боги не появляются перед очами Солнца!»

Обратился тогда царь Крон к матери своей Гее-Земле: «Найди, матушка, место, где смогут жить новые боги, мои будущие дети! Уверен я, что ты дашь им достойную жизнь и убережёшь от всяческого зла и бедствий».

Согласилась Гейя-Земля, нашла в своих глубинах огромную пещеру, настолько глубокую, что между дном её и потолком было такое же расстояние, как от поверхности земной до неба. Там устроила Гейя чудесный мир, который согревали два подземных солнца, жёлтое и голубое. Брат Океан подарил Гее три животворных источника, от которых произошли три могучие реки, по берегам которых разрослись леса и сады, полные цветов и плодов. Брат Эрос воздвиг в разных местах чудесного мира великолепные дворцы, которые меняли свои очертания в зависимости от настроения хозяина. Всё было готово к сошествию детей Крона, будущих царей Элейсона. И никто из богов и людей,

кроме Крона, Геи, Океана и Эроса, не знали о его существовании.

Как только Гея сообщила Крону-царю, что создан Элейсон в никому не доступных недрах, стал Крон по одному отправлять туда рождающихся у него потомков. Прекрасная Левка, нимфа подземной реки, взрастила Аида и Посейдона, Деметру и Гестию. Они были окружены любовью и почтением и, подрастая, занялись благоустройством Элейсона, который Крон отдал им в полное распоряжение.

Но Рея, разлучённая с детьми, так страдала, что слезам и вздохам её не было предела. Всё меньше и меньше становилось в мире света, меркли звёзды и луна, в глубокую печаль погружались люди, в тревоге головами качали боги.

Но как ни умоляла Рея не забирать у неё детей, Крон оставался непреклонен.

Тогда Рея пошла на хитрость. Она скрыла от Крона рождение Зевса, младшего сына. Это оказалось нетрудно, потому что опечаленная утратой детей Рея редко показывалась на глаза супругу. А тот, понимая и уважая её чувства, не настаивал на встречах. Рея скрылась от Крона на цветущем берегу Азии, в солнечной Финикии, где её могучие слуги — куреты — давно уже построили для неё просторный дворец, вокруг которого позднее разросся чудо-город Библ...

Вера слушала Париса и, в свою очередь, не могла скрыть удивления. Она, конечно, очень смутно помнила миф о происхождении мира и людей, который когда-то быстренько пробежала глазами в своей — теперь уже заветной! — книге, но то, что рассказывал Парис, вообще... ни в какие ворота не проходило!

— А кто такие куреты? — спросила она, чтобы зацепиться хоть за что-то знакомое.

Парис споткнулся на полуслове и снова уставился на неё, как будто не мог поверить своим ушам. Да кто же на самом деле эта девочка? Откуда взялась? Не знать таких обычных, само собой разумеющихся вещей!!! И в то же время иметь при себе явно волшебные предметы и обходиться с ними с непринуждённостью богини... или — колдуньи?

Паренёк опасливо поёжился, но решил всё же, не подавая вида, ответить.

— Куреты? Это первые люди, выросшие на острове Реи из горных камней, омытых небесным дождём. Они вершили здесь волю Великой Матери, растили леса и сады, строили огромные башни и стены, оберегали покой своей госпожи. Да ведь и сам остров получил имя предводителя куретов. Крий — так его звали. Именно он учредил самый прекрасный праздник в честь Реи! Ты собственными глазами можешь посмотреть на него! Скоро во Дворце начнётся Восхваление Цветов. Служители Реи, потомки первых куретов, будут

петь и плясать вместе с народом, осыпать всех цветами и угощать сладким мёдом!

— Для начала надо бы добраться до Дворца,— заикнулась было Вера, но тут же спохватилась: — Но что же было дальше? Продолжай.

— Дальше...

...Когда пришло время родиться Зевсу, Рея покинула Библ. На золотой колеснице, запряжённой крылатыми львами, перенеслась она через море. И здесь, на острове, в уютном гроте на горе под названием Ида, появился на свет Владыка богов и людей. Чтобы до поры Крон не узнал о его существовании, Рея взрастила вокруг входа в грот непроходимую чащу, накрыла Иду пышными облаками и велела куретам плясать и петь, как только младенец заплачет, чтобы громкими песнями заглушать его крик.

Он рос не по дням, а по часам. Но когда ему было скучно, появлялись на небе тучи, сверкала молния и гремел гром. И он не прятался, как другие дети, а бегал под проливным дождём рядом с пещерой и радовался. Скоро он сам научился разгонять тучи и собирать их на небе. Потому и дали ему имя Деос-Зевс, что означает «ясное небо». Вскормленный козой, маленький Зевс рос сильным и бойким. Пещера, в которую Рея спрятала его, была тёмной, но очень милой и уютной. Гей-земля наделила её ласковой материнской душой. Когда Зевс произносил хоть одно слово, пещера повторяла за ним много-много раз, словно хотела, чтобы ребёнок запомнил, как его нужно произносить! Зевсу не было одиноко или страшно в этом заточении. Он научился радоваться каждому дню и играть с природой: ветром, грозой и даже молнией.

И вот настал день, когда Зевс ощутил в себе прилив небывалой силы. Он вышел из пещеры, взошёл на гору и, подняв ладони над головой, почувствовал, как в каждую жилочку его божественного тела вливается мощь земли и неба. Он засмеялся — и содрогнулись горы, он шевельнул бровями — и сотряслись небеса, он вздохнул — и по тёмным лесам и светлым долинам пронёсся обжигающий вихрь. Все духи вод и лесов, горных хребтов и воздушных потоков с изумлением и радостью потянулись на его зов. Услышал этот крик всемилошвейший Крон и сразу всё понял. Понял он, что миновало время его владычества. Устанавливается в мире новый порядок, и сопротивляться ему бесполезно. Тогда собрал Крон всех богов — и старших, и новых, всех титанов и нимф, всех первородных Урана и Геи, циклопов, кентавров, лапифов и дактилей, духов земли, вод, небес, гор и лесов, — в широкой долине у подножия горного хребта Дикты на Великий Совет. Из Элейсона прибыли на совет братья и сёстры Зевса — Посейдон, Аид, Деметра и Гестия.

Семь дней и семь ночей без перерыва длился Великий Совет. И решили боги: род человеческий нуждается в постоянном обновлении; по истечении определённого богами числа зим и лет каждый смертный должен покинуть данное ему при рождении тело и вернуть его матери-земле, душа же его либо пройдёт долгий и трудный путь, чтобы воплотиться под солнцем снова, либо — судя по свершённому при жизни деяниям — сокровится в роковых подземельях вдали от солнечного света или сможет поселиться рядом с богами в Элейсоне, куда, не желая соперничать с Зевсом, удалится и сам Крон. Пусть на земле сменяются поколения людей. Боги будут направлять их и надзирать за ними. Сами же боги разделят мир между собой — кому какой стихией управлять.

Боги Элейсона никогда не знали невзгод и борьбы. Они росли как прекрасные цветы в любимом хозяевами саду, не знаящем даже плохой погоды. Поэтому, увидев Зевса, они устрашились, ибо грозен был Зевс-Чудодей, повелитель молний и гонитель туч. Он возвышался над ними — как горная вершина над холмами долин, и боги хотя и глухо роптали, но вынуждены были признать младшего — старшим и согласились на верховенство Зевса. Так он стал царём богов и повелителем небес.

И не было бы никакой силы во всём мире, которая могла бы служить противовесом его всемогущей воле, если бы не воспротивились этому Первородные. Предстал перед Зевсом великий Океан: «Волен ты, повелитель молний, владеть небесами и поверхностью земли. Но не даю тебе я власти над моими водами. В глубинах морей и озёр, в потоках быстрых рек и горных источников устанавливается отныне царство старшего Кронида — Посейдона. Дарю я ему дворец подводный и могучих прекрасных подданных. И оружие дарю — не хуже твоих громов и молний».

С этими словами вручил он Посейдону огромный трезубец из адаманта — небесного железа, добытого со дна морского.

Радостью воспылал Посейдон, схватил чудесный трезубец и ударил изо всех сил в каменный щит под своими ногами. Сотряслась земля, дрогнули небеса, хлынули из всех щелей и расселин солёные и пресные воды. И почувствовал Посейдон такую великую мощь, что готов был с самим Громовержцем сразиться.

Но Зевс благосклонно согласился с решением Океана, и с миром удалился Посейдон в своё царство.

Тогда предстал перед Зевсом Первородный Эрос, повелитель страстей, вражды и дружбы, радости и страха, и воскликнул: «Волен ты, царь богов, управлять мировым порядком, но тайны счастливого дома будут вечно закрыты для тебя, потому что передаю я их Гестии вместе с духами

очага и порога, жертвенных таинств и вечного огня. В знак её беспрекословной власти да примет Гестия мой неугасимый факел».

Вспыхнула от радости возвеличенная Перво-родным Гестия и только прикоснулась к рукоятке факела, как священный жар объял всех собравшихся в долине. Даже Зевс затрепетал, почувствовав его, и склонил перед старшей сестрой могучую голову: «Здесь, сестра, на родине богов, сотвори свою святую обитель».

Так был основан Кносс, где сама Гестия разожгла первый очаг.

«Гея, мать-земля,—воскликнула Деметра,—заступись за меня перед братом».

И восстала мать-земля и повелела: «Волен ты, властитель небес и срединного мира, карать и миловать по своему усмотрению, но силу распорядиться всем, что произрастает и приносит плоды, передаю я Деметре. Отныне лишь ей подвластны корни и ветви, семена и колосья, цветы и детёныши зверей и людей».

С этими словами передала Деметре Гея Великого Червя, хранителя корней, и алмазтовый серп, которым когда-то Крон искалечил Урана.

Увидел это Зевс и впервые уstraшил! Склонил он голову в знак согласия и смирился с первенством Деметры.

Тут обратился к собравшимся богам и духам сам всемилостивейший Крон: «Если уж решили вы впустить в наш мир смерть и уничтожение, пусть просияет среди смертных великое царство мёртвых. Волен ты, Зевс, быть владыкой небес и всего, что есть под лучами солнца и луны, но царство мёртвых я поручаю Аиду. Будь первым среди равных, Зевс, потому что боги Элейсона не уступают тебе по величию владений и по могуществу. Возьми, Аид, мой скипетр и моих невидимых коней. Доверяю тебе Элейсон и весь подземный мир, если согласна с моим решением мать-земля Гея».

Гея кивнула в знак согласия, и снова Зевс вынужден был принять неизбежное. Мир и благоденствие воцарились на небесах и под землёй, на суше и на море. И возрадовалась Рея, что добром разрешилось её противоборство с Кроном.

Но Крон всё-таки опасался, что Зевс рано или поздно попытается нарушить равновесие. И придумал он приставить к всевластному сыну неусыпного соглядатая и такого противника, которому Зевс не в силах был бы сопротивляться. Обратился он к мойрам, правительницам судеб всего сущего, и согласилась Лахесис, дающая жребий, помочь ему обуздать Зевса.

Дождался Крон момента, когда без присмотра осталось в Библи бронзовое зеркало Реи, в котором сохранилось её последнее отражение, и с помощью непреодолимых заклинаний извлёк из зеркала прекрасную богиню, точь-в-точь похожую на Рею, но по качествам своим ей полностью

противоположную. Лахесис тут же определила нить её судьбы и связала эту нить с нитью Зевса, а Крон отвёл своё создание на Иду к всемогущему сыну и сказал: «Вот, Громовержец, тебе супруга по имени Гера. Люби её и береги. И пусть будет крепок ваш союз на веки вечные».

Взглянул Зевс на Геру и понял, что власть её над ним безгранична, но никогда любовь к ней не исчерпает всей силы любви и страсти, которая кипит в его бессмертном сердце. Понял он, какие оковы наложил на него отец, и с тех пор вместе с любовью к Гере, которой он не мог воспротивиться, охватила его страсть ко всем богиням и смертным женщинам, которых Неизбежность приводила на его пути. В отчаянии бросился он через море в Библи, в храм Реи, чтобы удостовериться в обмане, которым поразил его Крон, но лишь только коснулись его ноги финикийского берега, увидел он сидящую на берегу в глубокой задумчивости прекрасную деву. Это и была Европа.

Едва взглянул Зевс на печальную деву, как постиг всё, что с нею произошло. Европа, дочь сидонского царя Агенора, с младенчества была посвящена дворцу Реи в Библи и, как только исполнилось ей десять лет, отправлена была в Библи, где и воспитывалась в духе преданных приверженцев Реи. Европа выросла во дворце. Самая расторопная, самая умная, самая желанная собеседница великой наставнице. Рея любила её и отличала среди других учеников. И вот—стоило Европе на миг отвести глаза от покоев Реи—из зеркала госпожи похищено отражение! Европа—широко глядящая—не оправдала доверия своей богини. Что теперь будет?

«Не бойся, Европа,—сказал Зевс, приблизившись к деве,—Рея простит тебя, если ты станешь моей женой».

Европа в ужасе отпрянула. Но в те времена боги являлись людям во всём своём лучезарном великолепии без риска нанести смертным вред, и Европа узнала Зевса.

«Как же это возможно?—воскликнула она, хотя сердце её сразу устремилось навстречу Царю богов и людей.—Ведь твой отец уже определил Лживое Зеркало тебе в супруги!»

«Пока суд да дело,—сказал Зевс,—мы совершим наш брак на родине богов, в Кноссе, где уже разожгла очаг моя любимая сестра Гестия. Пусть это не тревожит тебя, возлюбленная Европа. Сделаем так. Чтобы ты не чувствовала себя соблазнённой и похищенной, принеси сама брачный дар родине богов, святому Криту. Собери и отправь на Крит пять кораблей, на которые возведи сто лучших быков для жертвы Крону и Рее. Как только первый твой корабль пристанет к берегу Крита, ты станешь его полновластной хозяйкой. И я, твой жених и покровитель, встречу тебя с подобающими почестями. А там, Европа, будь что будет...»

Европа кинулась к алтарю⁸ Реи и стала горячо молиться. Тогда Рея явилась ей и сказала: «Благословляю тебя, Европа, на брак с моим сыном. Учреждаю новое царство Зевсово на родине богов. Снаряди корабли, отправь гекатомбу⁹ на Крит. А там—будь что будет».

С помощью Агенора снарядила Европа корабли, возвела на них сто лучших молодых бычков, и—с попутным ветром—отправилась брачная флотилия к желанному берегу Крита.

Был среди бычков на корабле Европы один—самый красивый, с белоснежной шерстью, золотистыми рогами и тёмной звёздочкой во лбу. Когда корабль приблизился к берегу Крита, почуял бык неладное и решил сам спастись от жертвенного ножа и спасти всё обречённое на жертву стадо. Едва показалась перед кораблём скалистая суша, взревел Белый Бык, разорвал верёвки, которыми был привязан, и бросился с призывным кличем с борта корабля в кипящую бурюнами воду.

По кораблям разнёсся чудовищной силы рёв. Бычки ревели, мотали головами, били копытами в палубы. Ещё немного—и потонут корабли!

Уже берег желанного острова был виден, совсем близко.

Тогда прыгнула Европа в бурные воды, догнала Золотые Рога, в мгновение ока оседлала и укротила его. Как только коснулись её—обожествлённые Реей—руки лба прекрасного животного, замычал бык спокойную песню, и утихли на кораблях быки...

— Так, верхом на быке, достигла берега Крита наша богоравная царица, — выдохнул наконец Парис и победительно посмотрел на Веру.

— Да-а... — только и смогла выдавить из себя Вера.

— Смотри, Вера, — Парис поднялся и огляделся и по сторонам. — Светает. Если хочешь до полудня попасть во дворец, надо отправляться уже сейчас. — А... что твой хозяин?

— Ликаон? Он знает, что рано или поздно за мной придут. Вот ты и пришла.

Глава шестая,

в которой Вера и Парис отправляются во Дворец, где над ними нависает смертельная опасность

Ах, какое это было утро! Солнце едва поднялось из-за горной гряды и освещало дорогу косыми лучами. Свежий ветерок обдавал путников прохладой и набегающими волнами каких-то невероятных запахов. Вера инстинктивно пригнулась, потому что ничего похожего раньше не ощущала. Чем это так пахнет? Какие-то цветы? Трава? Или ветер принёс эти запахи с моря? И вообще... Вера подумала, что там, дома, ей никогда так легко не дышалось. У неё даже слегка кружилась

голова—вот так же, как на даче, после дымного и шумного города. Мама ещё, шутя, говорила: кислородом отравилась. Но здесь это чувство было намного сильнее. Вере казалось, что если она разбежится и подпрыгнет, то обязательно взлетит, и можно будет радостно покружиться над дорогой. Странно. Она ведь почти не спала, кажется, уже больше суток, однако усталости не было и следа. Вере хотелось бежать вприпрыжку и визжать от избытка впечатлений. Но рядом—Парис, для которого, по всей видимости, не было вокруг ничего необычного, и Вера изо всех старалась не показывать, какие чувства её обуревают.

Дорога была широкая и хорошо утоптанная, местами даже выложенная крупными булыжниками. По сторонам тянулись усыпанные цветами кустарники, кое-где сквозь тёмно-зелёные заросли просматривались извилистый берег и яркое лазурное море с белыми барашками пены над рассыпающимися на камнях волнами. Время от времени заросли сменялись просторными полянами. Там, утопая в траве, возвышались лиственные деревья с кружевными зонтичными кронами. А иногда попадались причудливо искривлённые сосны, издававшие острый хвойный аромат.

Вере так хотелось расспросить Париса обо всём этом, но она уже поняла, что её любопытство... хорошо, если только удивит мальчишку. Эх, чужая она, чужая на этом празднике жизни!

Вдруг Вере почудился позади какой-то шум. Она обернулась, но ничего не увидела.

— Слышишь? — спросила она Париса. — Что это? — Что—это? — парень удивлённо вскинул брови и прислушался. — Ах, это... это, наверное, соседи едут ко Дворцу на мену.

.....

8. Алтарь—жертвенник. Первоначально—сооружение для совершения ритуальных жертвоприношений.
9. Гекатомба—в Древней Греции торжественное жертвоприношение ста быков.

И точно—вскоре с ними поравнялась повозка, которую без видимого напряжения тянули два упитанных пегих вола. Рядом шёл чернокудрый бородатый красавец, подгоняющий задумчивых волов длинной палкой, а на повозке, шумно переговариваясь и хохоча, восседали на мешках две загорелые девчонки, снова смутившие Веру своей полудетостью.

— Хайре! — крикнул Парис. — Что везёте, Маврис? — Привет, Парис, — отозвался Маврис. — Да вот собрали на мену... вяленые ягоды, оливки, немного масла... молоко и вино. Надо сестёр приодеть к Восхвалению Цветов. Отец надеется, что до зимы они найдут себе подходящих женихов.

— Талло, Койна — доброго утра! — улыбнулся Парис. — Хайре, Парис, — послышалось с повозки. — А ты куда собрался? И кто это с тобой? На твоих не похожа...

— Иду во Дворец. По своей надобности, — уклонился Парис. — А это Вера из Библа.

Видимо, такого ответа было достаточно, чтобы прекратить расспросы. Девушки только с любопытством рассматривали Веру.

— Забирайся к нам, — пригласила та, что постарше, Койна, — места хватит.

Не успела Вера и рта раскрыть — Маврис подхватил её под мышки и, как пёрышко, кинул на повозку. Вера шлёпнулась на что-то мягкое, девчонки со смехом помогли ей подняться и устроиться на мешках. Койна обняла её и расцеловала в обе щёки... в другой ситуации от такого необузданного гостеприимства Вере стало бы не по себе, но обе девушки были такие милые, такой сердечностью и искренней радостью веяло от них, столько было в них жизни, такую они излучали светлую энергию, и, наконец, так они вкусно пахли — молоком, душистым сеном и ещё чем-то, нежным и цветочным, что Вера с такой же радостью обняла и поцеловала и Койну, и Талло.

«Ну вот и подружки у меня здесь завелись», — подумала она и рассмеялась от удовольствия.

У Веры так и вертелись на языке вопросы, которые ей хотелось... нет! которые ей необходимо было задать дружелюбным и готовым откровенничать девушкам. Но она не решалась... вдруг снова скажет или сделает что-нибудь не то.

Между тем Койна и Талло тоже мучились любопытством. Из чего сделана одежда у новой знакомой? А что это у неё в сумке? Явно же что-то необычное... Койна даже незаметно (как же!) пощупала краешек Вериного балахона. И — Вера решила...

— Натуральный коттон, — сказала она, хотя понятия не имела, из какого материала волшебный карандаш соорудил для неё одежду.

Койна обомлела от удивления, и пока девушка «переваривала» услышанное, Вера, набравшись храбрости, выпалила:

— А что у вас тут бывает на менах?

Она вдруг представила, что спросила бы у подруги, если бы приехала к ней в гости в незнакомый город, и та предложила бы ей прогулку в торгово-развлекательный центр... Да, наверное, именно так и спросила бы: а что у вас тут бывает? — Как, Вера, — обрадовалась Талло, — неужели не знаешь? Ко Дворцу каждый день съезжаются жители ближайших посёлков, везут всякую снесь, у кого что есть... гонят скот... туда же корабельщики и торговцы доставляют всё самое лучшее с островов, с большой земли... серебряные и медные украшения, золото, благовония, ткани и лучистые камни... Мастера из Дворца выносят на площадь кувшины и горшки и прочую лепную утварь. За пару мер вина Маврис надеется взять пурпурной ткани мне и Койне на платье. Ох, какие мы сошьём себе наряды!

Вера наконец-то позволила себе внимательно рассмотреть одежду девушек — надо же похвалить их вкус и мастерство!

Обе девушки были смуглые, черноволосые, с миндалевидными карими глазами и носиками с чуть заметной горбинкой... их кудри — длинные, наверное, если распустить, то будут почти до пояса, — при помощи блестящих лент и заколок были уложены в причудливые причёски из косичек

и свободно падающих волнистых прядей. На вид Койне было, пожалуй, лет восемнадцать, а Талло, может быть, пятнадцать или шестнадцать. То есть, конечно, обе—много старше Веры, но в их обращении с нею девочка не чувствовала ни малейшей снисходительности или превосходства. Они болтали с ней как с ровней. Да и Маврис, заметила Вера, о чём-то вполголоса беседовал с Парисом, как будто их не разделяла целая пропасть лет: уж Маврис-то годился Парису если не в отцы, то в дядьки или, в крайнем случае, в очень и очень старшие братья.

«Да, странно тут у них»,—подумала Вера и, уже не таясь, принялась изучать одеяния спутниц.

На Талло—длинная тёмно-синяя юбка из тонкой шерсти с вышитым белыми нитями жёлтым передником и что-то вроде блузки с короткими рукавами и наброшенным поверх неё золотисто-коричневым жилетом, оставлявшим открытой грудь, которую обильно украшали ожерелья из ракушек, красных и синих бусин и цепочки из белого металла с беспорядочно свисающими камешками, перьями и птичьими коготками. На Койне—желтоватый, видимо льняной, сарафан, тоже с передником, и свободно ниспадающая с плеч кофта со столь же откровенным «декольте»,— всё это вышито и разукрашено разноцветными нитями, а бус, цепочек и ожерелий на Койне было ещё побольше, чем на Талло. Девушкам определённо нравилось украшать себя.

Что же касается Мавриса, то вся его одежда, как и одежда Париса, состояла из куска полотна, обёрнутого вокруг пояса, и широкого кожаного ремня, к которому крепились ножны и небольшой мешочек с какими-то мелкими вещичками.

— Какое красивое! — Вера осторожно дотронулась до тёмно-красного ожерелья, обвивавшего шею Талло.— Так и блестит на солнце...

— Нравится? — воскликнула Талло.— Возьми! Оно так подходит к твоим волосам и платью!

— Что ты! Зачем? — испугалась Вера.

Но Талло была непреклонна: тут же сняла с себя ожерелье и надела его на Веру. Бусины были тёплые и приятно щекотали шею.

«Эх, чем же отдариться-то?»—подумала Вера. Кто знает, как может отозваться «в веках» любой предмет из «будущего», который она неосторожно здесь оставит?... «Ну ничего, я ещё найду способ поблагодарить милую Талло!»

Солнце поднималось всё выше, становилось жарко. В тенистой дубовой рощице на берегу шумящего по камешкам ручья путники сделали привал. Маврис выпряг волов, которые тут же принялись щипать траву неподалёку, а сам бросил под дерево тонко выделанную баранью шкуру, на которой Койна и Талло моментально устроили скромный, но сытный завтрак. Лепёшки, сыр, пёрышки зелёного лука, какой-то терпкий

кисло-сладкий напиток вроде кваса... Вера сдержанно кушала, прислушивалась к разговорам и, как говорится, мотала на ус. Ей становилось всё интереснее... Девушки болтали, не умолкая и время от времени бросая на Веру пытливые взгляды. Однако на эти молчаливые вопрошания Вера отвечала уклончиво, сама же, вслушиваясь, старалась не пропустить ни слова.

И вот что она узнала. Каждый день, если только позволяет погода, ко Дворцу—собственно, это даже и не отдельное здание, а целый город, переходами, лестницами и галереями соединённый в единое целое,—приезжают жители окрестных поселений, чтобы обменять продукты своего труда (так Вера «перевела» для себя все эти «корзины, кувшины и мешки») на что-нибудь другое. Например, за большую амфору вина охотно дадут отрез хорошей материи, которого хватит на одно «взрослое» женское платье, или два-три новых глиняных горшка, или горсть перламутровых раковин для ожерелий, или несколько крупных жемчужин... А если к вину добавить несколько мер ячменной муки или горшок молока, плошку творога, сколько-то кругов сыра, то можно обменять всё это на козу или парочку овец. О деньгах—насколько могла судить Вера—подданные Миноса понятия не имеют. Всё меняется на всё, поэтому «торг» сам по себе—игра и зрелище. Не зря минойцы так любят торговаться! И вообще, они очень любят людей посмотреть и себя показать. Тем более что вечером, когдамены закачиваются, царь и царица устраивают для гостей Дворца великолепный праздник.

— Мы обязательно останемся на танцы,—радовалась Койна.

— Какие танцы? — Вера старалась не выдать себя, но как же это было трудно... чуть ли не каждое слово минойских девушек ввергало её в изумление...

— Ну как же, Вера! Во Дворце столько музыкантов! Вечером они выходят на площадь, чтобы играть для народа. Музыканты играют, а люди танцуют. Где же девушке выбрать жениха, как не на танцах?

Вера аж поперхнулась куском лепёшки... нет, странно тут у них, очень, очень странно...

— Царь Минос и царица Пасифая нередко танцуют вместе со всеми. Увидишь, Вера, какая это красивая пара! Ведь ты не пропустишь танцы? Может быть, лицедеи покажут представление, а может быть, царевна Ариадна снова удивит народ чудесами. Она мастерица по этой части!

Тут Койна взглянула Вере прямо в лицо и тихонько спросила:

— А зачем ты идёшь во Дворец? Если это не тайна, скажи нам, Вера.

— Я?... Мне как раз нужно увидеть Ариадну,—наконец сообразила Вера,— у меня для неё послание... да! Послание. Из Библа. По поводу чудес.

— Вот как! Ну что ж... тогда в путь!

Солнце было уже совсем высоко, когда дорога стала петлять между хижинами-мазанками, а кое-где и каменными постройками. Несколько раз повозку Мавриса обогнали всадники на низкорослых бурых лошадках и небольшие тележки, запряжённые длинноухими осликами. И вот впереди открылось широкое пространство, живо напомнившее Вере самый обычный рынок—с лотками, прилавками, шатрами и крикливыми торговцами, предлагающими подойти, посмотреть, попробовать... Над всем этим шумным весёлым беспорядком возвышалось огромное многоэтажное здание, простирившееся так далеко по сторонам, что Вера, как ни старалась, не смогла угадать, где оно заканчивается.

«Вот он какой, Дворец!»—подумала она, спрыгнула с повозки и позвала Париса.

— Нам надо идти! Не будем мешать Маврису—у него много дел. А у нас и того больше!

— Хорошо,—отозвался Парис.—Пойдём прямо к царю?

— Ну да... Прямо к нему.

На прощание Вера обняла Койну и Талло и пообещала встретиться с ними вечером на танцах. Париса приветственным жестом поблагодарил Мавриса, и попутчики расстались: повозка Мавриса свернула направо—к шатрам, под которыми расположились приезжие с финикийских кораблей, а Вера и Парис вышли к началу огромной

каменной лестницы, которая соединяла украшенные колоннами и яркой росписью ярусы Дворца. И тут же попали в шумную толпу поднимающихся и спускающихся по лестнице людей.

«Сколько народу!—думала Вера.—Какие все разные! Наверное, приехали из разных стран...»

В какой-то момент ей даже показалось, что она рассматривает картинки из учебника по истории Древнего мира. Вот, наверное, египтяне, смуглые, с круглыми бритыми головами, в белых балахонах с геометрическим орнаментом, идут, не торопясь, переговариваясь на непонятном языке. А это кто? Рыжебородые здоровяки в коже и бронзе... Вдруг в многоголосом разноязычном гуле Вера уловила что-то знакомое:

— Триеры из Пирея придут завтра... или послезавтра... и, говорят, на одной из них среди прочих—Тесей.

«Тесей?—встрепенулась Вера.—Кто бы мог здесь говорить о Тесее? Ах, вот оно что!» Вери и Париса обогнали двое мужчин: один—в хитоне и тёмном плаще, переброшенном через плечо, другой—в чёрной накидке с капюшоном, почти полностью закрывающим лицо. Они поднимались на галерею, что-то бурно обсуждая на дорийском наречии.

Вера в который раз поймала себя на том, что прекрасно понимает и минойскую, и дорийскую речь, хотя они заметно отличаются друг от друга. Понимает благодаря Гермесу, конечно. Если бы ещё позавчера кто-нибудь сказал Вере, что она будет разгуливать по допотопному Криту, запросто болтая на языках, вышедших из употребления тысячи лет назад, она решила бы, что это просто глупая (или наоборот—очень хитрая!) шутка. Но теперь она принимала это как нечто само собой разумеющееся. Она чувствовала, что эти двое имеют какое-то отношение к тайне, которую ей надо раскрыть. И, не раздумывая, последовала за дорийцами, которые так были заняты своей беседой, что ни на кого не обращали внимания. Да и на что обратишь внимание в такой суматохе?

— Ты куда?—забеспокоился Парис.

— Некогда объяснять... Слушай, а ты знаешь, куда идти? Как попасть к царю?

— А ты разве не знаешь?—удивился Парис.

— Я-то знаю...—не моргнув глазом, соврала Вера.— Но, если хочешь стать героем, ты должен всего добиваться сам! Найди царя. Сделай это,—Вера ускорила шаг,—а вечером встретимся на площади... где танцы... Ступай! Мне надо идти. Во-он туда... Решено?

— Ладно,—Парис пожал плечами и безропотно скрылся в толпе.

Вера, незаметно, как тень, лавируя среди плащей, хитонов, изысканных дамских платьев и кожаных фартуков, скользила в толпе за дорийцами и старалась не упустить ни слова из их довольно-таки нервного разговора.

— Неужели ты веришь, Агамемнон, что Тиндарей по собственной воле согласился признать их своими детьми?!

— А что ему оставалось? Ты видел Елену, Калхас?

— Она ребёнок. Да, прекрасна и умна не по годам, но этого недостаточно, чтобы смириться... — тут Калхас, перейдя на шёпот, оглянулся по сторонам, — чтобы смириться с бесчинствами Зевса и его приспешников...

— Вечно ты, Калхас, вводишь меня в искушение, — зашипел Агамемнон. — Не нам судить о замыслах бессмертных!

— Да говорю же тебе — Эгей уже подготовил корабли... не сегодня-завтра Тесея будет здесь. И он настроен весьма решительно!

— Тс-с-с-с... — Агамемнон ткнул собеседника локтем в бок. — Молчи! Не хватало ещё навлечь на себя гнев Всемогущего... в такое-то время...

Агамемнон и Калхас шли уже по широкой галерее, заставленной и застроенной многочисленными палатками, шатрами и ларьками, в которых кипела работа.

Вот гончар весело вращает свой крут, что-то напевая, а под его ладонями из шлепка глины прямо на глазах вырастает изящная чаша. Тут же на полках и на полу расставлены всевозможные сосуды, украшенные волнистыми линиями, цветами и грациозными фигурками диковинных зверей и танцующих людей. Вера снова показалось, что она рассматривает картинку из учебника... Вот это, кажется, амфоры... а это — кратер? Но дальше, дальше...

Вот мастер расписывает чёрной и красной краской огромные морские раковины... зачем? Они и так прекрасны! Вера уже еле попевала за удаляющимися дорийцами.

А тут! Ого! В шатре, промелькнувшем справа, сидел самый настоящий писарь — перед ним на деревянном столе в специальной подставке торчали острые палочки разной длины, тут же лежали прямоугольные и овальные таблички — наверное, глиняные? — и свитки какого-то желтоватого материала... «Папирус!» — догадалась Вера. Возле писаря томились в ожидании несколько человек — заказчики, должно быть. Эх, задержаться бы, посмотреть. Но Калхас и Агамемнон быстро удалялись, и Вера уже не слышала, о чём они говорят.

Галерея неожиданно перешла в лестничный пролёт, украшенный белокаменными зубцами, похожими на бычьи рога. Слева ступеньки поднимались, справа — вели вниз, и дорийцы, ускоряя шаг, стали спускаться.

«Странно, что я не боюсь заблудиться, — подумала Вера, — вообще ничего не боюсь! С чего бы это? Ах да! Гермес!»

Неведомо, какое чувство давало ей эту уверенность, но Вера ни минуты не сомневалась, что Трисмегист, её непрощеный покровитель, постоянно где-то рядом, невидимый, но надёжный.

И она бесстрашно устремилась вниз по лестнице — за новым источником информации (всё же как ни крути, а «наша эра» в мыслях Веры всё время давала о себе знать). Людей вокруг становилось меньше, и девочке, чтобы её не заметили, приходилось скрываться за колоннами, а потом за деревьями и кустами, которые понемногу обступили лестницу со всех сторон... Наконец Калхас и Агамемнон вошли в приземистое каменное строение с широкими деревянными воротами, справа и слева от которых красовались две разукрашенные статуи в человеческий рост. Одна изображала толстощёкого парня в коротком хитоне. В одной руке он держал рог, из которого свисали виноградные грозди, а в другой — чашу с отбитым краем. Вторая фигура представляла собой обвитую цветочными гирляндами женщину, лицо которой было скрыто складками глиняного покрывала, тоже местами поцарапанного и побитого. Над воротами — вывеска: «Δῶρο».

«„Доро“? Похоже, здесь таверна, — решила Вера, — или гостиница для путешественников... это-то явно не местные. Но как же незаметно попасть внутрь?»

Вера попыталась обойти строение кругом и — вот удача! — с левой стороны в стене, почти целиком завешенной кудрявыми петлями какого-то вьющегося растения, обнаружила маленькую дощатую дверцу. Вера осторожно толкнула её, дверца с противным скрипом приоткрылась, и девочка оказалась в тёмном коридоре, всё освещение которого состояло в рассеянных лучах дневного света, падавшего из многочисленных щелей в стенах и потолке.

Ой-ёй-ёй... может быть, тут тараканы бегают... или даже крысы... Вера услышала где-то далеко впереди приглушённый разговор и стала тихонько продвигаться в полутьме на звук. Наконец она буквально зашла в тупик, оказавшись в крохотном

чуланчике, упиравшемся в стену из грубых булыжников, между которыми зияли щели, дырки и отверстия, открывавшие любопытному взгляду достаточно подробную панораму соседнего помещения. Вера прильнула к одной такой дыре на уровне собственных глаз и сразу же увидела Калхаса и Агамемнона, которые сидели друг напротив друга у большого деревянного стола с расставленной на нём безыскусной, но вместительной посудой. У соседней стены виднелось что-то вроде прилавка, возле которого хлопотал полуголый чернокожий парень. Дорийцы жадно ели с помощью коротких, поблёскивающих в полутьме ножей, запивая еду из круглых, грубо расписанных, чаш, и громко обсуждали что-то важное, уже совершенно не опасаясь, что их может кто-нибудь услышать. И Вера немедленно наострила ушки.

— Понимаю твоё желание, Агамемнон, но не слишком ли рьяно ты берёшься за дела? Боги не любят выскочек.

— Выскочка Тесей рвётся к власти над Аттикой. Погоди, распутает он козни Миноса — и конец владычеству Крита на море. А там, глядишь, и к Лаконии ручонки потянет.

— Так ли? Думаю, ты преувеличиваешь возможности Афин.

— Преувеличиваю или нет, а рад буду, если здесь, во Дворце, навсегда Тесей останется — или голову сложит, или разум потеряет.

— Для этого надобно склонить на свою сторону Ариадну.

— Каким образом? — Агамемнон поёжился и опасно оглянулся по сторонам.

— Не знаю. Но имей в виду: раз уж ты решил действовать — поторопись. Если не нынче в ночь, то завтра при попутном ветре корабли из Афин достигнут Крита.

Наступило молчание. Вера слышала только стук ножей и бульканье жидкости, наливаемой из кувшина в чашу. Но вот снова послышался голос Калхаса:

— Как стемнеет, на площади начнутся танцы. Погода нынче прекрасная, народу будет много. Может быть, царевна Ариадна снова захочет удивить подданных. Ей это нравится. Сколько лет ты не видался с ней? Родственница твоя всё-таки. Вот и склони её на свою сторону. Пусть помогает.

Тут Калхас снова замолчал, приподнялся и, повернувшись к стене, за которой притаилась Вера, напряжённо прислушался, поморщился и даже, как показалось Вере, пошевелил носом.

Девочка замерла, стараясь не дышать. А Калхас, снова обратившись к Агамемнону, вдруг громко произнёс:

— Но тут другая беда Атридов подстерегает. Помнишь, я рассказывал тебе о Приаме Троянском... о том, что тайно сына-младенца он отдал на финикийский корабль? С тех пор, кажется, лет

десять-двенадцать прошло. Так вот, мальчика финикийцы продали бездетному оружейнику из Дворца, взяв за него славный лук и колчан со стрелами, а у того умерла жена, и он не нашёл ничего лучшего, как оставить ребёнка за Дворцом на дороге. Подобрал его пастух Ликаон, вырастил как сына. Назвали мальчугана Парисом. Никто до сих пор не знает, что он — царевич. И судьба этого мальчика очень скоро пересечётся с твоей, Агамемнон. Так пересечётся, что жизни тысяч людей и благополучие всей Эллады вот-вот окажутся на Зевсовых весах. Но ты, царь, нынче же ночью можешь не допустить беды, ибо мальчик этот здесь!

— Как? — вскричал Агамемнон.

— Поверь. Не зря же Калхас ест свой хлеб. Я знаю. Здесь Парис. И прямо сейчас ты легко найдёшь его на площади. Один незаметный укол рыбьей косточкой — и нет Париса, неминуемое бедствие будет отодвинуто далеко-далеко! А отодвинешь его ты, Атрид! Не сомневайся! Пусть в Элейсон отправляется Парис, пока не согрешил! Ему же будет лучше!

Услышав знакомое имя, Вера отпрянула от стены и, попятившись, задела локтем горшок, стоявший рядом на полке. Горшок свалился с полки, громко стукнулся об пол и разлетелся на куски. Агамемнон вскочил и с криком: «Кто там?!» — ударил посохом в стену так, что из неё посыпались мелкие камни.

Вера зажмурилась от ужаса и бросилась прочь, не разбирая дороги. Нескольким раз ей пришлось уворачиваться от столбов и углов, как будто нарочно выскакивающих прямо перед ней. Наконец она обо что-то с разбегу споткнулась и грохнулась на грязный занозистый пол, содрав в кровь обе коленки и в чём-то липком изрядно испачкав платье.

— Что с тобой, Вера? — незнакомый женский голос насмешливо и в то же время властно прозвучал у неё над головой. — Куда это ты так спешишь?

Вера, стиснув зубы, чтобы не захныкать от боли, встала, и у неё перехватило дыхание... Дверца, через которую она попала в подсобное помещение таверны, была широко распахнута, и за ней, на поляне, равномерно освещённой невидимым источником света, стояла женщина огромного роста с круглыми голубыми глазами, в длинном серебристом платье. На плече у неё сидела надменного вида сова.

«Афина! — узнала Вера. — Да-да... ведь Гермес сказал, что боги следят за нами. Наверное, она скажет, что делать дальше...»

— Я... мне нужно разыскать друга. Ему угрожает опасность!

— Друга? — богиня рассмеялась холодным металлическим смехом. — Какое легкомыслие!

Вера почувствовала порыв ледяного ветра и... оказалась в пустом просторном зале с колоннами.

Она сидела на мраморной скамье с ножками в виде львиных лап, Афина стояла рядом и укоризненно смотрела на неё. Теперь богиня была похожа на строгую учительницу. Ни совы, ни змеи, ни тёмного платья. Серый жакет, юбка серая, белая блузка, чёрные туфли на низком каблуке. И круглые голубые глаза, под взглядом которых Вера съёжилась, как будто была в чём-то виновата. — Ты совсем потеряла контроль над собой. Как можно быть такой легкойверной? Посмотри, до чего ты себя уже довела!

Да уж! Расквашенные Верины коленки противно щиплет, платье в каких-то бурых пятнах... А главное — почему-то ужасно стыдно! Как будто экзамен провалила или домашнюю работу не сдала в срок...

Афина, видимо, сжалась над ней: — Сколько глупостей ты уже наделала, Вера! А ведь всего-то и надо было — сесть и спокойно выучить уроки. Ну ничего... ещё не всё потеряно.

С этими словами Афина очертила указкой круг перед Вериным носом, и — хоп! — ссадины на коленках мгновенно затянулись, платье очистилось и даже разгладилось, как будто побывало под утюгом.

Афина присела рядом на скамью и обняла девочку за плечи. Сначала Вера вся сжалась, словно обняла её Снежная королева, но уже через несколько секунд перестала замечать холод и доверчиво посмотрела в лицо богине.

— Вот ты говоришь — друг. Сломя голову бросаешься спасать Париса. Но что ты о нём знаешь? Так, отрывки из обрывков... А ведь у тебя есть достойный доверия источник, в котором имеются и все необходимые сведения, и все предостережения. Вот он.

Афина коснулась указкой сумки, которая, не смотря на встряски и недоразумения, так и оставалась у Веры на плече. Сумка соскользнула с плеча, повисла перед ними в воздухе, из неё как бы нехотя выползли «Мифы Древней Греции» и расположились рядом с сумкой, как будто на невидимой подставке.

— Вот посмотри, — Афина указала на книгу, тут же зашелевшую переворачивающимися страницами. — Парис — сын троянского царя Приама и царицы Гекубы. Красивый и смелый, но от природы дерзкий, бессовестный, лживый и наглый, он способен даже на такое преступление, как обман доверившегося ему человека, друга! Посмотри, видишь, здесь написано... — Афина ткнула указкой в страницу, и перед глазами Веры «бегущей строкой» замелькали слова:

«Прошло много дней, после того как вернулся Парис в дом своего отца Приама. Казалось, что та перемена, которая произошла в его жизни, заставила его позабыть о даре, обещанном ему Афродитой за золотое яблоко. Теперь он был царевичем, а не простым, никому не известным пастухом. Но Афродита сама напомнила ему о прекрасной Елене и помогла своему любимцу построить великолепный корабль, и он собрался отплыть в Спарту, где жила Елена, обещанная Афродитой ему в жёны. Напрасно стал предостерегать его вещей сын Приама Гелен. Он предсказал гибель Парису. Ничего не хотел слушать Парис. Он взошёл на корабль и пустился в далёкий путь по безбрежному морскому простору. Наконец, прибыл Парис к берегам Лаконии. Причалил его корабль в устье реки Эврот, и вышел Парис с другом Энеем на берег. С ним отправился он к царю, как гость, не замышляющий ничего злого. Царь Спарты Менелай, супруг Елены, радушно принял Париса и Энея. В честь гостей приготовил

он богатую трапезу. Во время этой трапезы Парис впервые увидел прекрасную Елену. С восторгом смотрел он на неё, любуясь её неземной красотой. Пленилась красотой Париса и Елена, он был прекрасен в своих богатых восточных одеждах. Прошло несколько дней. Менелаю необходимо было ехать на Крит. Уезжая, он просил Елену заботиться о гостях, чтобы ни в чём не имели они недостатка. Не подозревал Менелай, какую обиду нанесут ему эти гости. Когда Менелай уехал, Парис тотчас же решил воспользоваться его отъездом. С помощью Афродиты он уговорил нежными речами прекрасную Елену покинуть дом мужа и бежать с ним в Троию. Уступила Елена просьбам Париса. Тайно увёл Парис прекрасную Елену на свой корабль; похитил он у Менелая жену, а с ней и его сокровища. Всё позабыла Елена — мужа, родную Спарту и дочь свою Гермению забыла она ради любви к Парису. Покинул корабль Париса устье реки Эврот, увеза с собой богатую добычу. Быстро нёсся корабль по морским волнам назад к троянским берегам. Ликовал Парис, с ним была прекраснейшая из смертных женщин, Елена».

Вера читала, и глаза её наполнялись слезами. Не может быть! Парис такой добрый, такой доверчивый и надёжный... Так хочет стать настоящим героем! А вот незадача: мало того что царевич, так ещё и предатель, и обманщик, и вор... В будущем, правда. Но ведь это будет!

— Да, Вера, да, — услышала она голос Афины, — он предал самое святое — дружбу! Из-за этого предательства вспыхнула страшная, кровопролитная война между греками и троянцами, которая длилась много лет и унесла тысячи жизней. Троянская война положила начало череде разрушительных мировых войн. На Земле эти войны не закончатся никогда, если теперь, в самом начале, не изменить направление событий. С помощью Калхаса и Агамемнона я как раз собиралась это сделать. А тебя угораздило вмешаться в то, чего ты не знаешь и не понимаешь!

— Но я же не сама! — воскликнула Вера. — Это всё Гермес! Он сказал...

— Нашла кому поверить! — расхохоталась Афина. — Отцу всех обманов! Ловко он тебя одурачил! Но не обольщайся: у всех бессмертных свои планы на эту игру. Игры богов, Вера, — самая хитрая и непредсказуемая вещь на свете. И тебе предназначено стать даже не пешкой, а крохотной песчинкой под ногтем одного из игроков. Но я помогу тебе вырваться из западни, в которую заманил тебя Великий Обманщик. Я могу одним движением руки вернуть тебя домой. Только ты должна *сама* захотеть, *сама* попросить меня об этом. Понимаешь?

Афина отстранилась от Веры и пристально посмотрела ей в глаза. Вера чуть не задохнулась от радости: домой! Вот сейчас, сейчас она будет

дома! И всё же ей хотелось попытаться у Афины: что здесь, на Крите, происходит с Миносом, с Ариадной, с танцами, и всё-таки с какой целью сюда едет Тесей?

— Ах, любопытная девчонка! — почти разгневавшись, воскликнула Афина. — Ну хорошо. Не для детских ушей эта позорная тайна. Но я расскажу тебе. Бог морей Посейдон наказал Миноса за обман. Тот обещал принести ему в жертву быка, которого сам же Посейдон послал ему для этой цели, но бык был так хорош, что Минос подло решил оставить его себе, а на жертвенный алтарь привели другого... Вроде бы — какая разница? Но Посейдон возмутился и наслал на быка, нагло присвоенного Миносом, такое бешенство, что жителям Крита мало не показалось! Бык стал нападать на людей, уничтожать посевы и всячески свирепствовать. Его даже прозвали Критским быком с тех пор. Но хуже всего, что Посейдон заставил жену Миноса Пасифаю влюбиться в этого быка! В результате через некоторое время она родила... да-да! не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку... полурёбёнка-полутелёнка... Да ещё и кровожадного! Ибо это прелестное дитя с первых дней жизни признаёт в качестве пищи только человеческую кровь! Минос прячет его где-то во Дворце, в подземелье, которое устроено в виде лабиринта. Минос обрёл мои возлюбленные Афины на страшную дань: ежегодно семь юношей и семь девушек из лучших семейств царь Эгей вынужден отправлять на Крит, где их отдают на пожрание Минотавру! Завтра в полдень сюда придут корабли с несчастными жертвами. Понимаешь? Уже завтра вновь произойдёт ужасное несчастье...

— А Тесей? — потрясённо прошептала Вера.

— Хотя это ты знаешь, — усмехнулась Афина. — Тесей с ними. И он выполнит то, что ему суждено, — спасёт своих будущих подданных, найдёт и убьёт Минотавра. Ариадна ему поможет.

Афина помолчала и требовательно взглянула на Веру:

— Ну... Я жду. Попроси — и я сию же минуту верну тебя домой.

Вера открыла было рот, но что-то мешало ей послушно следовать требованиям богини. Как-то всё это получалось быстро и... неловко. У неё не было ни малейших оснований не доверять Афине. И всё же...

Неужели то, что она говорит, правда? И великодушный, доверчивый Парис, только что в разговоре с ней без страха и упрёка бросившийся защищать то, во что верит, — на самом деле бесовственный наглец, способный на самые гнусные поступки? И женщина, полубогиня, царица, может влюбиться в быка (бр-р-р-р...), и человек с головой быка пожирает людей?.. Гермес-то Гермес, но ведь Вера прекрасно помнила свои собственные

чувства—то безотчётное счастье, радость и тепло, которые она испытала в общении с жителями Маталы... Неужели они зачем-то притворяются, и всё, что она услышала от них,—коварные выдумки? А Рея! Вера едва не вскрикнула... сон это был или нет, но ощущение любви и заботы, которое исходило от Матери-Природы, она отчётливо помнит и не забудет никогда! Так что же, задери коза, здесь происходит? Мировая война—это, конечно, серьёзно. Но что, если она, Вера, вот прямо сейчас может предотвратить назревающее, кем-то затеваемое зло? Что, если именно ради этого неведомая сила забросила её сюда, как сказочного Иванушку-дурачка?

«До Василисы Премудрой я, конечно, не дотягиваю»,—Вера вздохнула, потому что уже, в сущности, приняла решение.

Иванушка-дурачок, в конце концов, становится же Иваном-царевичем. И Парис станет героем. Не злодеем, а героем! Конечно, станет! И Тесей не убьёт Минотавра, потому что разве можно уничтожить то, чего нет?

— Поторопись, Вера,—прозвучал металлический голос,—скажи, что хочешь домой, и попроси, чтобы я отправила тебя обратно.

— Ну нет,—со всей возможной твёрдостью откликнулась Вера,—я больше никому не верю! И никогда ни за что не поверю, пока во всём не разберусь сама!

Едва она произнесла последнее слово, как грубый толчок швырнул её обратно на грязные доски чуланчика «Доро»,—и серая тень огромной птицы с гулким уханьем метнулась прочь, в сторону заходящего солнца.

«Ну и ну! Пока я тут занималась исследованиями и разговорами, день почти закончился! Как бы не опоздать!»

Кряхтя и постанывая, Вера поднялась, отрянула пыль с испачканного платья, поплевав на ладошки, вытерла кровь с разбитых коленок и, стараясь не хромать, поспешила к лестнице, по которой некоторое время назад спустилась к таверне.

Глава седьмая,

*в которой Вера встречается
с Ариадной и спасает Париса*

Вера пробиралась среди каких-то колючих зарослей.

— Что-то не помню, чтобы такие кусты попадались мне на дороге, когда я шла туда...

Она остановилась, огляделась. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, пламенеющим слева от неё, как не прогоревшие угольки костра. — Скоро уже совсем стемнеет...

Вера прислушалась. В постепенно густеющем полумраке пищали и потрескивали какие-то живые существа. Тропинка, по которой она бежала,

уже едва заметна была среди камней и жёсткой желтоватой травки.

— Ну вот, дорогуша,—сказала Вера сама себе, вспомнив ироническое обращение Гермеса,—вот ты и заблудилась. С чем тебя и поздравляю.

Фрррр... откуда-то из-под куста прямо у Веры под носом выпорхнула чёрная птичка с длинным острым клювиком.

— Умница, Вера!—голосок был птичий, одновременно скрипучий и писклявый, но Вера сразу его узнала.

— Гермес!—у Веры (какой уже раз за этот вечер!) брызнули слёзы—Как ты мог меня оставить одну в самую трудную минуту?!

— Ну, допустим, не самую трудную... в этой игре,—птичка уже сидела у неё на плече,—но ты справилась великолепно! Молодец! Не ожидал я от тебя такой силы духа. Думал,—всё. Проиграл я. Беда! Но ты поступила так неожиданно верно! Не зря же родители дали тебе такое имя—Вера! Я в восхищении. Умница! Молодец!

— А почему ты не вмешался? Ты же видел, что ещё секунда, и эта... история навсегда закончится! И для тебя, как ты говоришь, закончится печально...

— Боги не имеют права вмешиваться в дела других богов, когда те делают свой ход. Но теперь у нас руки развязаны. Иди по тропинке, я покажу тебе путь.

Птичка вспорхнула с Вериного плеча и полетела над тропинкой, время от времени возвращаясь и делая круг над её головой.

Скоро впереди замелькали огни, тропинка постепенно перешла в дорожку, которая становилась всё шире и, наконец, действительно привела девочку к ярко освещённой лестнице. Между зубцами ограждения в виде бычьих рогов, на которые Вера обратила внимание, когда незаметно следовала за дорийцами, видны были большие круглые каменные чаши—в них трепетало бездымное оранжевое пламя, далеко распространявшее свет и тепло. Но людей вокруг не было видно, и Вера в полном одиночестве (если не считать порхавшего рядом Гермеса) поднялась до площадки, где лестница раздваивалась,—вправо уходила вдаль широкая ровная галерея с колоннами, а влево ступеньки поднимались выше и заканчивались небольшой ротондой, возле которой Вера разглядела одинокую белую девичью фигурку, наклонившуюся над перилами и, видимо, что-то рассматривавшую вниз.

Вера в нерешительности остановилась. С одной стороны, всё равно неизвестно, куда идти. Но с другой, она чувствовала, что приключений ей на сегодня уже хватит с избытком, так что новое знакомство в этот вечер было бы, наверное, лишним. — Гермес, а Гермес,—прошептала Вера, но ответа не услышала.

Великий Обманщик снова оставил её одну перед неразрешимым вопросом: остроклювой птички и след простыл.

— Эх, была не была, — неожиданно для себя решила Вера, — поднимусь и спрошу, где будут танцы.

Прихрамывая и тихонько всхлипывая от боли, она, как могла, быстро стала подниматься по ступенькам. Наконец, девушка в белом платье услышала её приближение, обернулась и... Вера оторопела. Лицо девушки было освещено колеблющимся светом каменных ламп, и Вера видела каждую чёрточку. Так видела, как будто смотрела в зеркало — на саму себя... в каком-то далёком неведомом будущем. Будто ей уже лет двадцать! Или даже двадцать пять...

Вера зажмурилась и помотала головой. А когда открыла глаза, девушка стояла перед ней и с безмерным удивлением разглядывала её. Теперь она была похожа на маму, но только на совсем молоденькую маму, какой Вера видела её в старом-престаром домашнем видео.

— Где это ты так? — в голосе девушки звучало неподдельное сочувствие, — Бедняжка.

— Упала, — буркнула Вера, но тут же решила, что невежливо так отвечать человеку, проявившему к ней внимание. — Заблудилась. Хотела попасть на площадь... где танцы... и — вот, — она развела руками и снова всхлинула.

— Так ты на танцы идёшь? — девушка покачала головой, — надо как-то сначала поправить твои дела... Пойдёшь со мной? Я тебя полечу. Пойдём!

Вера послушно кивнула. Она, кажется, снова утратила чувство реальности и просто делала то, что ей говорили.

Девушка взяла Веру под руку, и они, свернув на галерею, пошли сначала прямо, потом свернули

в какой-то боковой коридор, снова поднялись по лестнице, вышли на залитую оранжевым светом площадку, спустились и оказались перед резной деревянной дверью, на которой с удивительной точностью были изображены два борющихся барса и жёлтые лилии на длинных изогнутых стеблях.

Девушка потянула кольцо, вставленное в пасть одного из барсов, дверь бесшумно открылась, и Вера оказалась в небольшой квадратной комнате без окон с такими же, как на галерее, каменными лампами, только гораздо меньшего размера. У стены напротив в полу было устроено что-то вроде маленького бассейна, в который прямо из стены, по узкому стекловидному лотку, стекала вода — настолько прозрачная, что Вера сквозь эту струйку видела кладку стены и бассейна, который, видимо, никогда не наполнялся до краёв.

— Иди сюда, садись, — сказала девушка, подталкивая Веру к скамье, покрытой мягкой шкурой какого-то пятнистого животного, — тебя как зовут?

— Вера, — пробормотала Вера, с наслаждением опускаясь на скамью, — а тебя?

— А меня — Ариадна, — улыбнулась девушка.

Удивительнее всего было то, что Вера даже не удивилась. Ведь так и должно было быть! Она ведь должна была найти Ариадну. Ну — вот. Нашла.

Пока Ариадна доставала из деревянного шкафчика с расписными створками какие-то коробочки, чашечки и банки с лечебными снадобьями, Вера, несколько не стесняясь, рассматривала её. Выше среднего роста, очень стройная, светловолосая и зеленоглазая, она совсем не была похожа на девушек из Маталы и одета иначе — простое белое платье — в пол — с широкими рукавами и с вырезом «под горло». Никаких украшений, кроме цепочки из желтоватого металла с кулончиком в виде бычьих рогов — по форме точь-в-точь, как зубцы на дворцовой галерее. Длинные волосы расчёсаны на прямой пробор, заплетены в косы и уложены венцом вокруг головы.

— Ну что ж... для начала давай-ка вымоем твои ножки, — Ариадна подвинула к Вере низенький круглый столик, видимо, целиком сделанный из слоновой кости (Вера, правда, имела довольно смутное представление о слоновой кости, но пусть будет так!), и широким жестом пригласила её к бассейну.

Вода в бассейне была тёплая и приятно пахла... Вера подумала, что здесь, на Крите, она различает огромное количество всевозможных запахов, о которых прежде и не подозревала. Да что за пахи! Все чувства её невероятно обострились. Вот и сейчас. Она слышала слабое потрескивание пламени в лампах (интересно, что же там горит?), отдалённые звуки — вроде барабанов — наверное, на площади уже начались танцы... лампы освещали комнату неравномерно, а Вера различала отчётливо все, даже совсем мелкие, предметы. Прикосновение

вещей доставляло ей неизъяснимое удовольствие, зато и ничтожные царапины на коленках причиняли такую боль, что Вера едва могла её терпеть. А уж запахи! Впрочем, не нюхать же она сюда пришла!

Вера выбралась из бассейна, завернулась в мягкое льняное полотно, деликатно предложенное Ариадной, и без тени сомнений предоставила себя её заботам.

— Будет немножко больно, — предупредила Ариадна, смазывая её колени жёлтой пощипывающей мазью. Потом колени были бережно перевязаны тонкими лоскутками полупрозрачной материи, и, наконец, Ариадна достала из другого шкафчика, углового, точно такое же платье, как у неё, и выкатила на середину комнаты высокое овальное зеркало на маленьких чёрных колёсах.

— Примерь-ка это, — сказала она почему-то извиняющимся тоном, — твоя одежда, кажется, уже никому не годится.

Вера окунулась в платье Ариадны, как в морскую волну. Оно было почти совершенно ей впору, только слишком длинное, подол распластался по полу, так что Вера не могла сделать ни шагу.

— Это поправимо, — улыбнулась Ариадна и при помощи хорошо наточенных бронзовых ножниц обрезала подол как раз Вере до щиколоток. — Теперь в самый раз.

И встала рядом с Верой. Несколько секунд они обе стояли перед зеркалом, с недоумением глядя на отражение. Ещё бы! Они были похожи, как... ну, не как две капли воды, но — как мать и дочь... как родные сёстры — старшая и младшая...

— Так, — наконец, нарушила молчание Ариадна, — расскажи-ка мне, Вера, кто ты и откуда, чьих будешь и что делала в такое время одна-одинёшенька у нашего Дворца?

Ох... Вера всем существом своим чувствовала, что, если теперь спокойно рассказать всё по порядку, — мир обязательно изменится к лучшему, и ей не придётся больше блуждать в туманах неизвестности. Но... с чего же начать? А главное... да!!!

Бедный Парис! Неужели над его мёртвым телом уже кружатся хищные птицы?

— Я бы рада! — закричала Вера, — но это долгая история... а мой друг... моего друга, возможно, убили уже... там, на площади...

— Что же ты молчала? — нахмурилась Ариадна, — а ну-ка, пойдём...

И снова — лестницы... лестницы... верх... вниз... вбок... вправо... влево... площадки... галереи... вверх... вниз... бегом... бегом... бегом...

И — вдруг: шум... гром... барабанная дробь... свет... мелькающий свет со всех сторон — площадь...

Площадь полна народу!

У Веры на мгновение перехватило дыхание, она почувствовала, как бьётся её сердце, и невольно приостановилась. Но Ариадна, крепко держа Веру

за руку, уверенно шагала вперёд, на середину площади, где возвышалось некое подобие сцены, окружённое широкими деревянными ступенями, на которых сидели и стояли весёлые люди с дудками, флейтами, разной величины барабанами, бубнами и всевозможными струнными инструментами — одни были похожи на арфы, другие — на гусли, третьи — на домры или балалайки. Музыканты играли и пели. И такая это была звонкая, возбуждающая, ритмичная музыка, что ноги сами просились в пляс. И все люди на площади — в разноцветной, многоголосой толпе — смеялись, подпевали музыкантам и пританцовывали. При этом заметно было, что происходящее — не предел их желаний и интереса, что все они ждут чего-то, основного и главного. Вдруг кто-то крикнул: — Смотрите, это Ариадна!

Толпа перед ними мгновенно раздалась, и Вера с Ариадной прошли к возвышению через живой коридор, дышащий симпатией и напряжённым ожиданием.

— Смотри внимательно, — шептала Ариадна, — увидишь что-то подозрительное, сразу дай знать! — Да что же тут можно разглядеть? — усомнилась Вера, — столько народу!

— Пойдём — пойдём, — Ариадна буквально тащила её за руку, — поднимемся на помост — оттуда лучше видно.

Ещё несколько шагов, почти вприпрыжку (а колени-то уже и не болят!), — и Вера с Ариадной — на помосте, над площадью и над толпой, которая взорвалась приветственными возгласами и рукоплесканиями.

Ариадна отпустила Верину ладошку и вышла на середину помоста. Вера озиралась по сторонам, пытаясь различить в толпе знакомое лицо.

— Вера! Вера! — донеслось снизу.

Она повернулась на голос... Точно! Койна и Талло — довольные и счастливые, — были совсем рядом и весело махали ей руками.

Но где же Парис? А! Вот и он! Живой и здоровый. Увидел её, засмеялся...

— Там мои друзья, — крикнула она Ариадне, — нужно их предупредить!

— Иди! — сказала царица, — Не бойся, я тебя не потеряю.

Минута — и Вера оказалась в объятиях своих нечаянных подружек. Но ей было не до них.

— Парис, — бросилась она к мальчишке, — берегись тех двух дорийцев, за которыми я шла, помнишь? На уме у них недоброе.

— Да зачем я им? Шутишь, Вера?..

— Какие шутки! Впрочем, я потом тебе всё объясню. А пока... просто слушайся, ладно?

Парис покачал головой, но ничего не сказал.

Музыка тем временем смолкла.

— Смотри, смотри, — воскликнул Парис, указывая на помост.

Вера подняла глаза, и по спине у неё побежали мурашки... Боковые лампы над площадью постепенно погасли, только помост оставался освещённым. Там, в столбе струящегося света, простирая руки над замершей толпой, стояла Ариадна. Её белое платье переливалось голубыми и розовыми бликами, а от кончиков пальцев тянулись тонкие зеленоватые лучи.

Если бы Вера находилась в этот момент в Красноярске, где-нибудь на стадионе или в парке на лазерном шоу, она бы точно не удивилась, а только любовалась бы, но здесь...

В ладонях Ариадны переливались два ярких световых пятна, лучи исходили как раз от них, и царевна управляла ими так ловко, словно кружево плела или вышивала.

— Так вот ты какая, нить Ариадны,— почему-то подумалось Вере.

Тем временем в небе над площадью разыгрывалось настоящее свето-представление! Под протяжные звуки одинокой флейты, выводящей причудливую мелодию, над головами изумлённых зрителей проплывали диковинные цветы и деревья, длинноногие птицы с кудрявыми хохолками и узкими изогнутыми крыльями, драконы с шипастыми хвостами и лошадки с развевающимися гривами, олени с ветвистыми рогами и быки с рогами в виде перевёрнутого месяца...

Но вот тоненький голосок флейты оборвался. Ариадна хлопнула в ладоши, и по толпе пронёсся гул восторга.

— Ты это видела? Видела?— кричал Парис, сжимая Верин локоть так, что она, наконец, с негодованием оттолкнула его.

— Ну, видела. И что?

Бедный пастушок чуть слюной не подавился от такого неслыханного равнодушия к самому настоящему чуду! И тут только обратил внимание на перемену, которая с ней произошла... обвёл Веру настороженным взглядом, поднял глаза к помосту, на котором приветствовала народ Ариадна, и поёжился... Нет, не простая это девочка Вера, ой, не простая.

Надо бы держаться от неё подальше. И Парис— увы— смалодушничал: бочком, бочком попытался ускользнуть, но тут уж Вера спохватилась:

— Ну куда ты, Парис! Пожалуйста, не уходи далеко... будь начеку! И я тоже буду.

Тут снова взрвели трубы, ярко вспыхнули боковые лампы. Ариадна сошла по ступеням с помоста и присоединилась к небольшой группе ярко одетых людей, среди которых Вера с ужасом и негодованием увидела Агамемнона.

Неожиданно— без видимых приспособлений— помост раздвинулся, и в круг, образованный расступившейся толпой, из открывшегося тёмного коридора вышли мужчина и женщина— он в красном, она в золотом плаще. Оба очень высокого роста, насколько могла судить Вера, пожалуй, на голову выше среднего взрослого минойца.

— Царь и царица!— Вера даже на цыпочки привстала, чтобы лучше разглядеть их.

Минос лицом и телосложением живо напомнил Вере былинного богатыря (в школе как раз накануне читали русские былины)—этакий Садко: русоволосый, стриженный «под горшок», с небольшой бородкой и пшеничного цвета усами. Одетый в длинную белую рубаху, подпоясанную красным шнуром с кистями, в красном плаще, схваченном на плече серебристой пряжкой в виде бычьей головы, он с улыбкой отвечал на возгласы подданных приветственным жестом правой руки, а левой бережно поддерживал под локоть идущую рядом Пасифаю. А та... вот если бы Пеппи Длинный Чулок стала бы взрослой дамой, царицей, она точно была бы такой! Голову Пасифаи окружало пышное облако огненно-рыжих кудрей, глаза горели зелёным огнём, а белое нежное лицо её было усыпано милыми веснушками. При этом характер за этой кукольной внешностью читался совсем не шуточный!

Да! Красивая пара! Ничего не скажешь,— очень красивая.

В толпе, среди разгорячённых представлением минойцев, Вера чувствовала, что люди так же, как и она, любят царственную пару и гордятся ею.

Минос и Пасифая остановились в самом центре круга. Царица подняла обе руки и, громко хлопнув в ладоши, воскликнула:

— Хорэ!

Тут же грянули барабаны, взвыли флейты... два-три диссонирующих аккорда,— и музыка пришла в движение. Это была очень странная и очень красивая мелодия. У Веры даже что-то заняло и застонало внутри. Где же она это слышала? Ах, да... кажется, это было похоже на старинные ирландские песни. Да-да... только здесь это был явный призыв к танцу. Толпа мгновенно начала преобразовываться — образовывались пары и выстраивались след в след за царём и царицей.

Эх, танцы! В чём — в чём, а уж в танцах-то Вера знала толк! В своём времени, в своём городе она уже несколько лет танцевала в знаменитом на весь мир детском театре «Орлёнок» и теперь с радостью угадывала в движениях танцующих минойцев знакомые фигуры и построения. Было в этом танце что-то и от ирландских кейли, и от осетинского симда, и от французской кадрили, и даже от русской игры «ручечк». Партнёры, обязательно он и она, взявшись за руки, двигались по кругу, в начале каждой новой музыкальной фразы выполняя довольно сложные танцевальные фигуры между собой, а потом снова следуя в общем потоке — друг за другом. Как же это было красиво! Но важнее всего, решила Вера, было то, что танцующие в конце каждого круга менялись партнёрами, так что любой мужчина или юноша, участвующий в танце, мог запросто пройти круг рука об руку с царицей, а любая женщина или девушка — с царём. — И ведь никакой охраны! — думала Вера, — Как же так? Неужели царская семья до такой степени чувствует себя в безопасности? При том, что вон... дорийцы злоумышленные свободно рыщут в окрестностях Дворца...

Действительно, если что и охранялось на площади всерьёз, так это внутреннее пространство помоста, откуда вышли царь и царица: у помоста стояли две рослые мускулистые девицы с двойными топориками на длинных рукоятях, которыми они перегораживали вход.

Музыканты играли всё громче и быстрее, и Вера почувствовала, что, если она немедленно не включится в общее веселье, то просто взорвётся от избытка чувств... Она схватила за руку Париса, который вяло сопротивлялся сначала, дескать, никогда в жизни не танцевал, но потом подчинился и довольно бойко стал копировать движения Веры. Улучив момент, они вошли в круг, и танец подхватил и понёс их на своих всемогущих крыльях.

Вера так увлеклась танцем, что не заметила, как и когда Парис исчез из поля её зрения. Сначала в паре с ней оказался пожилой дядька, со снисходительной улыбкой и благородными манерами,

потом — наоборот, смуглый кудрявый мальчишка, смотревший на неё с восхищением и старательно повторявший все танцевальные «па», как будто совсем недавно выучил их, потом ещё кто-то... музыка не оставляла времени на размышления, Вера только краем глаза следила за Ариадной, и сердце её дрогнуло лишь тогда, когда чудом обретённая старшая подруга рука об руку пошла по кругу с Агамемноном... Дориец приблизил лицо к самому уху девушки и что-то настойчиво шептал ей. — Чего он добивается? — подумала Вера.

В тот же миг новый партнёр — нарочно! — с силой наступил ей на ногу.

— Ой! — вскрикнула Вера и бросила сердитый взгляд на обидчика, который раздражённо зашипел:

— Где Парис, Вера? Забыла, зачем сюда пришла?

С этими словами он вытолкнул Веру из круга и... превратившись в маленькое облачко пыли и пара, рассеялся в воздухе.

Вера мгновенно всё поняла (ещё бы не понять!), растерянно огляделась по сторонам и тут же увидела Париса: пастушок уходил прочь от танцующих в сторону лестницы, ведущей вниз, на почти не освещённую галерею...

— Парис, — крикнула Вера, — эй, Парис!

Но тот как будто не слышал. Парис двигался очень медленно и неуверенно, как слепой... или как во сне, делая каждый шаг отдельно, словно боялся упасть... таким образом он ушагал уже довольно далеко.

Ах, вот оно что! Там, впереди, в полутьме галереи, Вера увидела закутанного в тёмный плащ человека. Он приближался к Парису и что-то делал вытянутыми вперёд руками, словно невидимую верёвку тянул, и к этой верёвке был привязан Парис! Да-да! Как же она сразу не догадалась! Калхас! Это Калхас, и он всё-таки поймал Париса на крючок!

Думать было некогда, и Вера просто со всех ног бросилась догонять Париса и настигла его у самой лестницы.

— Стой, Парис! — она толкнула его и крепко шлёпнула по затылку, — Слышишь?! Проснись!

Парис споткнулся и с размаху хлопнулся на неровные каменные плитки, которыми была выложена площадь, ну и Вера, не удержавшись, брякнулась вслед за ним.

Несколько секунд они, потирая ушибленные места, с недоумением смотрели друг на друга, но тут Вера каким-то глубинным инстинктом поняла, что расслабляться рано. Она перевела взгляд в сторону галереи: точно! Калхас быстро двигался к ним.

— Бежим, — крикнула Вера, схватила Париса за руку, и они побежали, куда глаза глядят.

И снова — вверх... вниз... лестницы... переходы... снова вверх, снова вниз... направо... налево...

Наконец, под ногами у них захрустели мелкие камешки, зашуршала трава и палые листья, в разгорячённые лица дохнул влажный ночной ветер, и дети поняли, что наконец выбрались из Дворца. Они остановились, прислушались. Никаких признаков погони не было заметно.

— Уфф... — Вера в изнеможении опустила на траву.

Парис стоял перед ней с видом требовательного судьи, уличившего свидетеля в ложных показаниях: — Ты, в конце концов, объяснишь мне, что происходит? А, Вера?

— Что тут объяснять? — вздохнула Вера, — Ты — не тот, кем считаешься. Поэтому у тебя есть неведомые и могущественные враги. И ты пока не готов к встрече с ними. Это всё, что я сама об этом знаю. Я же говорила — доверься мне, я пытаюсь тебе помочь.

Парис уселся рядом с ней, обнял за плечи. Так они и сидели, молча, прижавшись друг к другу, переводя дух после измотавшей обоих гонки.

Их окружала глухая лесная чаща. Даже звуков Дворца уже не было слышно. Зато воздух наполнен был непрерывным стрёкотом насекомых, голосами ночных птиц, шорохом веток, которые шевелил ветерок и задевали разные мелкие зверьки, вышедшие в сумерках на прогулку... Полная луна обливала деревья ровным призрачным светом, и там, за деревьями, просматривалась широкая поляна, откуда веяло терпким ароматом незнакомых цветов.

— Ну, что, пойдём? — сказала Вера, — Не знаю, куда и зачем мы пойдём. Но идти надо.

— Пойдём, — неожиданно легко согласился Парис. — Не сидеть же тут до утра.

«Странный мальчик! — в который раз про себя удивилась Вера, — вот если бы мне кто-то сказал: ты — не то, что ты есть. Как бы я себя повела? В обморок упала бы, наверное! А этот — ну, пойдём! Не сидеть же тут до утра... Странные люди. Странное место. Странный мир. Всё здесь очень, очень странно!»

Продолжение следует

Рисунки Ольги Сорочкиной